

МАСТЕРА УЖАСОВ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АВГУСТА ДЕРЛЕТА

Адам Нэвилл

СУДНЫЕ ДНИ

Мастера ужасов

Адам Нэвилл

Судные дни

«АСТ»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Нэвилл А.

Судные дни / А. Нэвилл — «АСТ», 2012 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-094711-9

Находясь на грани банкротства, режиссер Кайл Фриман получает предложение, от которого не может отказаться: за внушительный гонорар снять документальный фильм о давно забытой секте Храм Судных дней, почти все члены которой покончили жизнь самоубийством в 1975 году. Все просто: три локации, десять дней и несколько выживших, готовых рассказать историю Храма на камеру. Но чем дальше заходят съемки, тем более ужасные события начинают твориться вокруг съемочной группы: гибнут люди, странные видения преследуют самого режиссера, а на месте съемок он находит скелеты неведомых существ, проступающие из стен. Довольно скоро Кайл понимает, что некоторые тайны лучше не знать, а Храм Судных дней в своих оккультных поисках, кажется, наткнулся на что-то страшное, потустороннее, и оно теперь не остановится ни перед чем.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-094711-9

© Нэвилл А., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Процесс	9
Helter Skelter	51
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Адам Нэвилл

Судные дни

*Маме, папе, моему брату Саймону и сестре Мелиссе – лучшей семье
в мире*

Adam Nevill

LAST DAYS

Печатается с разрешения издательства MACMILLAN PUBLISHERS INTERNATIONAL
LIMITED

и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского: Ирина Нечаева

В оформлении обложки использована иллюстрация Дмитрия Вишневого

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Copyright © 2012 by Adam Nevill. All rights reserved

© Ирина Нечаева, перевод, 2016

© Дмитрий Вишневский, иллюстрация, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Благодарности

Когда я проводил исследования для создания собственного апокалиптического культа, эти книги дали мне не только энциклопедические знания, но и вдохновение: «В поисках тысячелетнего царства» Нормана Кона; «Ворон: нерассказанная история преподобного Джима Джонса и его народа» Тима Рейтермана и Джона Джейкобса; «Чарльз Мэнсон: быстрое падение» Саймона Уэллса; «Под знаменем небес» Джона Кракауэра и «Коба Грозный» Мартина Эмиса. Особой благодарности заслуживают «Любовь, Секс, Страх, Смерть: история Церкви Процесса – взгляд изнутри», написанная Тимоти Уилли (под редакцией Адама Парффри) и «Helter Skelter: Правда о Чарли Мэнсоне» Винсента Буглиози и Курта Джентри, шедевр литературы о преступниках. Именно эти две великолепные работы зажгли во мне первую искру.

В изучении основ партизанских съемок¹ мне сильно помогли «Настольная книга партизанского кинематографа» Криса Джонса, Эндрю Зайннеса и Женевьев Жоллифф, «Цифровой кинематограф» Майка Фиггиса и великолепный сайт *Guide Book for Guerrilla Filmmakers*, www.jamesarnett.com, созданный Джеймсом Арнеттом.

Сайт www.desertmuseumdigitallibrary.org очень помог при описании пустыни Сонора в штате Аризона.

И я снимаю шляпу перед фильмами ужасов, которые принесли популярность идее псевдодокументальных съемок: «Репортажем», «Ведьмой из Блэр: Курсовой с того света» и «Паранормальным явлением».

Огромное спасибо моему агенту Джону Джерролду и редактору Джулии Крисп за консультации и стилистические правки, а еще – моим читателям: Энн Пэрри, Клайву Нэвиллу, Джеймсу Мариотту и Хью Симмонсу. А еще сотрудницам издательства Pan Macmillan – Хлое Хили из пиар-отдела и редактору Кэтрин Ричардс.

Особого места в моем храме благодарности заслуживают писатели, рецензенты и блоггеры, которые нашли добрые слова для такого создателя литературных теней, как я: Эрик Браун из «Гардиан», Элисон Флад из «Сандей таймс», Дэвид Муд, Джонатан Мэйберри, Джозеф Д'Лейси, Марк Чаран Ньютон, Тим Леббон, Стивен Фолк, Марк Моррис, Брайан Шауэрс, Питер Теннант, Black Static, SFX, Тэдди Джеймисон из «Сандей геральд», «Новости мира», Graeme's Fantasy Review, Джаред из Pornokitsch, Fantasy Book Review, Spooky Reads, LEC Book Reviews, Black Abyss, Speculative Scotsman, Ginger Nuts of Horror, Read Horror, Iwillread, Hagelrat и Kamvision, и не только.

И наконец, читатели, которые дали мне шанс или оставались со мной, – салют!

¹ Форма независимого кинематографа, характеризующаяся низким бюджетом, компактной съемочной группой и простым набором съемочной аппаратуры с использованием подручных средств. Часто сцены снимаются быстро, в реальных локациях, без предупреждений и без получения разрешения собственников локаций (*прим. пер.*).

Пролог

Иногда я замечала, как она переползает открытое пространство – быстро, словно тень от облаков при сильном ветре.
Шарлотта Перкинс Гилман. Желтые обои

*Денвер.
3 марта 2011 года*

Женщина слышала, как старые друзья ходят в дальних и не очень дальних комнатах ее дома. Старые друзья, которых она пыталась забыть дольше, чем помнила себя. Пока однажды не поняла: она всю жизнь потратила на ожидание того, что они появятся, что начнут дело, которое им так хочется закончить. Потому что старые друзья ничего не забывают. Они прибыли без приглашения и явились без предупреждения. Они приходят после заката и никогда ее не отпускают.

За последнее время старые друзья стали сильнее и храбрее. Наловчились проникать внутрь. И уходить. Судя по их движениям, сегодняшний визит был последним. Воссоединение завершится.

Закрыв глаза, женщина вздохнула и рукой оперлась о дверь. Посмотрела вверх, почувствовала, как напряглось все тело, готовясь сделать шаг внутрь. И еще один. И еще.

Стоя на лестнице неосвященного дома, все еще в пальто и туфлях, она смотрела вверх, в темноту, скрывающую верхнюю площадку. Прислушивалась – с сосредоточенностью, на которую способен лишь очень испуганный человек. А еще с решимостью того, кто уже слишком устал.

Единственным светом был слабенький отблеск ближайшего фонаря, а он никогда не проникал дальше открытой входной двери. Где-то проехала машина, и женщине очень захотелось оказаться в ней. Она повернула голову и посмотрела на пустынную улицу. Ее вдруг охватило неудержимое желание ринуться туда, где светло, где люди разговаривают и улыбаются или хотя бы молчат. Ей так захотелось быть с людьми, жить обычной жизнью, что стало больно. Она вся сжалась, только бы снова не сбежать. Сделала шаг к открытой двери. Но не другой. Замерла. Не дрогнула.

Потому что она была проклята, как призрак в доме перед сносом. Призрак, которому больше негде скитаться, ему осталось лишь пустое пространство, лишенное людей. Тень, наблюдающая за всем откуда-то из иного места, наполовину в этом мире, наполовину в другом, прислушивающаяся к ясным чистым голосам, но никогда не подающая своего. Она боролась упорнее остальных. Она осталась, когда другие ушли.

Внезапно нахлынуло сожаление – и вместе с ним его верный спутник, безнадежность. Она достаточно долго жила с последствиями того, что натворила до того, как у нее появились мозги и опыт. Ей уже стало скучно. Неважно, сколько раз она возвращалась в прошлое, вспоминала детали и строила предположения, – все оставалось неизменным, и она оказывалась в той же точке, где стояла сейчас в одиночестве. Она прикинула, что почти готова *на этот раз*. Сглотнула, вытащила из сумочки холодный, тяжелый револьвер тридцать восьмого калибра. Подумать только, когда-то она считала, что ей повезло.

За последние пять месяцев это был уже третий дом. Каждый она снимала под чужим именем, и каждый раз теряла залог из-за тех знаков, которые старые друзья оставляли на стенах. Три дня назад она спустилась из спальни в холодный коридор, когда в доме вдруг отключился свет. Из подвала в холл просочились запахи тухлой воды и пепла, залитого шедшим всю ночь дождем. Провода в блоке предохранителей были будто обкусаны, а стена за ними заля-

пана непонятным подсохшим веществом. Она покрасила пятна черной краской – закрыв глаза и рыдая, била кистью по стене.

Они начали слишком часто оставлять что-то за собой. Показывали, что возобновление знакомства неминуемо. Вчера, не успев написать длинное письмо сыну в Торонто – она писала так, как будто это было последнее послание в ее жизни, – она обнаружила на кухонном полу маленький почерневший башмачок. Совсем крохотный, как будто детский. Твердый, как дерево, сшитый, как мокасины, из оленьей кожи, и старый. Такой старый.

Упавший с ноги, о которой она надеялась больше никогда не думать. Когда женщина прихватила башмачок листовкой пиццерии, чтобы выбросить, с него сорвался ком сажи.

А вот и мы, девочка.

Бум-бум-бум-бум. Прямо сейчас, минимум в одной из комнат наверху. Может быть, в ее спальне. Женщина вспомнила вечеринку над номером в мотеле, который она однажды сняла в Лос-Анджелесе, очень давно, когда только начала свое бегство. Тяжелый топот за тонким потолком, внезапные крики и взрывы смеха, которые напоминали, как она далека от жизни, одновременно не давая заснуть. Но здесь, в этом доме, ее последнем пристанище, не проходило вечеринок, на которые ей хотелось бы сходить.

Они точно были в ее комнате. Шаги, приглушенные постельным бельем, перешли в треск, как будто кто-то тряс кровать. Из тумбочки выкинули все содержимое.

Женщина отлепила пересохший язык от нёба, сглотнула. Ударила кулаком по стене, чтобы голова перестала кружиться. А потом повернулась и закрыла входную дверь. Заперлась внутри. С ними.

Еще один незванный гость пытался подняться с кухонного пола. Она слышала его за закрытой дверью в конце коридора. Тот же звук мучил ее в последних двух съемных квартирах, из-за него она сбежала оттуда прямо посреди ночи. От этого шума она всегда вспоминала детеныша антилопы, виденного один раз по телевизору, – искусанный крокодилом, тот все еще пытался вырваться из воды.

Думая, придут ли за ней на четырех ногах или на двух, она подняла пистолет и подошла к лестнице. Правую руку поддерживала левой, как учили на стрелковом полигоне, – только дуло было направлено вверх. Готова.

Женщина попыталась успокоиться. Позволила себе вспомнить сына – в ту ночь, когда несла его через холодную пустыню, прижав к груди. Это было очень давно, но она помнила его сопение, его тепло, маленькую ручку, вцепившуюся в ее черные волосы, как будто это было вчера. Тогда они спадали до пояса и покрывали ребенка, как водопад. Мальчик всегда знал, кто его мать. Они делали все, чтобы он забыл, но сын знал. И она его вытащила.

Она улыбнулась сквозь слезы. Вдохнула.

– Выходи, сволочь, – заорала она на то, что медленно, подергиваясь, выползло на верхнюю площадку.

Мрак окутывал ступени; старые друзья принесли его с собой из темного места, где-то между «здесь» и «не здесь».

И под защитным пологом тьмы существо послушалось ее призыва и пошло к ней на четырех ногах, задрал лицо вверх.

Не успело оно преодолеть короткую дистанцию между ними, как женщина сунула холодное дуло пистолета себе в рот. Когда ей показалось, что то уперлось в заднюю стенку черепа, она спустила курок.

Процесс

ПРОЦЕСС

Эпическая история нечеловеческой
дикости.

Ирвин Левин. Судные дни

Один

*Блумсбери, Лондон.
30 мая 2011 года*

– Вы когда-нибудь слышали о сестре Катерине и Храме Судных дней?

Когда Максимилиан Соломон задал этот вопрос, улыбка ушла из его глаз: то ли он слишком серьезно относился к теме разговора, то ли решил проверить, можно ли поделиться с Кайлом секретной информацией. Так обычно смотрят любители спиритизма и духовных практик, когда решают поговорить о сокровенном с незнакомцами. А еще уфологи и медиумы.

Но, хотя глаза Соломона стали жесткими, еле заметная усмешка так и не исчезла с маленького загорелого лица директора «Ревелэйшн Продакшнз». Кажется, Кайл его забавлял. А может, и вообще все в мире, кроме него самого. Постоянная полуулыбка, то ли радостная, то ли насмешливая. Трудно сказать наверняка, когда имеешь дело с *этими*: успешными хозяевами жизни, руководителями и контролерами, с которыми Кайлу как режиссеру приходилось постоянно общаться.

– Да, – ответил Кайл и стал копаться в памяти в поисках информации о сестре Катерине и Храме Судных дней. Всплывали какие-то фрагменты, напоминающие поляроидные фотографии: выцветшее изображение оборванного бородатого человека в наручниках, идущего от полицейской машины в казенное здание; воздушная съемка какого-то ранчо или фермы... в Калифорнии? Обрывки информации о секте, которые он когда-то слышал по телику. В документальном фильме или новостях?

Он не помнил, откуда это знает, но, раз знает, значит, дело было громкое. Сейчас эти люди казались по-настоящему мрачными и культовыми персонажами.

Американская инди-группа «Сестра Катерина» в восьмидесятых, индастриал-группа «Храм Судных дней» десятилетием позже. Ну и конечно же, Кайл знал сестру Катерину по знаменитому портрету, хотя понятия не имел о ее жизни. Она красовалась на футболках на Камден-Маркете вместе с Джимом Джонсом, Чарльзом Мэнсоном, Майклом Майерсом и Джейсоном Вурхизом. Пухлое, густо накрашенное лицо с блаженным выражением, окруженное фиолетовым капюшоном монашеского одеяния. Ее глаза как будто смотрели в рай. Богородица и «Ревлон». От лидера злобной секты остались лишь черные шутки, мрачная ностальгия и шмотки для бунтующей молодежи. Женщина, которую убили... или она совершила самоубийство вместе со своими последователями в Америке?

Он не помнил, но точно знал, что Храм убивал людей. Или фанатики мочили друг друга? Кинозвезд? Нет, это «Семья» Мэнсона. То же время. Храм – это хипповская секта шестидесятых. Или семидесятых?

– Секта, – сказал он, пытаясь выглядеть безмятежным. Но поздно – успел нахмуриться, пока думал.

Макса, казалось, порадовало его невежество. Оно позволило ему пуститься в объяснения:

– Организация, которая начала действовать здесь, в Лондоне, в 1967 году.

– В Лондоне?

– Да. Здесь. Об этом немногие знают. Но сестра Катерина – англичанка. Ее настоящее имя – Гермiona Тиррилл. Она родилась в Кенте. Выросла в богатой семье. У ее матери даже был титул. Она была баронессой и убедила маленькую Катерину, что та лучше других. В этом же ее убеждали в пансионах, где она училась до четырнадцати лет, пока отец не обанкротился и не сбежал из семьи. Маленькая Кэти и ее мать были ввергнуты в пучину бедности. Из загородного особняка пришлось переехать в муниципальную квартиру в Маргите. Носить подержанную

школьную форму. Общаться с людьми. Тяжело было маленькой толстой отличнице смотреть, как бывших подружек представляют ко двору.

Кайл пожал плечами:

– Не знаю...

– Она убежала из дома в пятнадцать и больше никогда не разговаривала с матерью. Какое-то время провела в борстальской колонии для малолетних преступников – за кражи и грабеж, а в двадцать лет оказалась в тюрьме. Она была арестована за проституцию, а потом за содержание борделя. Растрата, подлог. Мелкие преступления. Мы можем думать об этом что угодно. Но что мы точно знаем из немногих сохранившихся записей о ее детстве и юности – она никогда не любила играть на равных. Ей хотелось власти и статуса. Того, что у нее забрали.

Кайл почувствовал в голосе Макса тень горечи... и завистливое уважение.

– Происхождение Храма... завораживает. Он вырос из коктейля сайентологии, апокалиптических идей, связанных с наступлением нового тысячелетия, подражания христианским святым, оккультизма, буддизма, веры в реинкарнацию... и кучи других вещей. – Казалось, Макс не видит Кайла, забыл об их разговоре и вообще о том, что происходит вокруг, так иногда ведут себя старики, вспоминая прошлое. – Идея была хороша. Простые психотерапевтические техники, перемешанные со средневековыми идеями аскезы и набожности. Жизнь, свободная от эго. Изначальные ценности, закутанные в красивый покров мистицизма.

Тут Соломон спохватился, поняв, как выглядит со стороны, и, наконец, прекратил улыбаться:

– Но прекрасную задумку узурпировали социопатка и преступники. В Лондоне их называли «Последним собором». Они стали Храмом Судных дней во Франции, во время раскола шестьдесят девятого года. На ферме в Нормандии, где чуть не умерли от голода. Оставшиеся уехали в Америку, под тем же руководством. Где и покончили с собой в семьдесят пятом, в Аризоне. Об этом вы, наверное, знаете?

Кайл сглотнул.

– Этого я не знаю, – тон у него был агрессивный, – их не знаю.

– Безусловно, – сказал Макс снисходительно.

Кайла вдруг охватило ощущение беспомощности, как в школе, когда ему задавали вопрос, ответа на который он не знал. Нелогично – с чего бы ему вообще что-то знать о секте? Он разве говорил, что знает? Вряд ли это важно. А Макс Соломон прислал ему мейл с предложением о встрече в его офисе в Блумсбери для «обсуждения перспективного сотрудничества» без всяких уточнений. Он почувствовал, что у него горит лицо.

– Не хотелось бы показаться неуважительным, но почему я должен их знать?

– Судя по тому, что мне нравится в вашей работе, Кайл, я бы предположил, что вам это может быть интересно, – Макс улыбнулся.

Он излучал уверенность, спокойствие и вальяжность, как будто его успех был неизбежен, как будто он родился для богатства и процветания, и все должны это знать. Эти знаки Кайл знал слишком хорошо. И инстинктивно не любил таких людей. Денежный мешок, важная шишка в киноиндустрии, напыщенный продюсер. Такие любят общаться с творцами и подчеркивать собственную «креативность» при любом удобном случае – этим они унижают само понятие «творчества». Но их стремление присвоить себе чужую работу – он понял это на собственном горьком опыте – всегда подкреплялось хитростью и умом, которые не стоило недооценивать. Именно из-за них Кайл стал самофинансируемым режиссером с долгами такого размера, что от одной мысли о них перехватывало дыхание.

Чуть раньше его забрали из роскошного холла, настолько ярко освещенного, что он все время ожидания провел с полужакрытыми глазами. Когда он оказался в офисе директора и Макс встал поприветствовать его – крошечный, легкий и грациозный, – он неприятно напо-

нил Кайлу маленькую умную мартышку с бегающими глазками. Обезьяну, вставшую на задние лапы и одетую в костюм от Пола Смита.

К тому же кожа у него была загорелая до цвета батата, а на голове колыхались полупрозрачные пересаженные пряди. Кайл никогда не понимал, почему лысеющие мужчины платят такие деньги за операцию, из-за которой волосы только редеют. Он один раз ездил в Канны и дважды – в Лос-Анджелес, разговаривал с агентами и постоянно попадал в совершенно чужой мир, где было полно людей, похожих на Макса Соломона.

Вчера вечером, когда пришло письмо с приглашением, Кайл бросил читать объявления о вакансиях и немедленно нашел сайт «Ревелейшн Продакшнз». Тщеславная надежда, что он снова сможет работать и заработает достаточно, чтобы отмахнуться от перспективы банкротства, тут же угасла. Изучая сайт, с каждой строчкой Кайл разочаровывался все сильнее.

Фирма опубликовала книгу «Послание» и продала «пятьдесят миллионов экземпляров!». Эта информация занимала большую часть страницы. Этот томик частенько попадался Кайлу на глаза. «Послание» изменило жизнь многих звезд шоу-бизнеса, и в одно лето его читала каждая вторая девушка в лондонском метро. Правда, то лето давно прошло, и с тех пор Кайл не видел, чтобы кто-то прилюдно листал эту книгу.

Кроме «Послания», у компании был обширный послужной список из книг, DVD, CD и сопутствующих товаров, которые подавались как уникальные, современные, жизнеутверждающие пособия для саморазвития. Компания характеризовала свою деятельность как «новаторскую», «эпохальную» и «ставшую откровением». Бренд показался Кайлу ужасно калифорнийским, вульгарным и немного устаревшим – очередной «волшебной таблеткой», которая еще больше усилила его отвращение к наукообразию, перемешанному со спиритической чепухой. Но к этому все и шло: он скатился на самое дно киноиндустрии, если не считать порнографии.

Его документальный фильм об американском металкоре, «Шреддеры», сотню раз показывали по кабельному, он стал хитом фестивалей в две тысячи шестом и до сих пор считался культовой классикой в музыкальной среде. «Шабаш» о ведьмах в шотландском университете принес ему обвинение в клевете, но все же был показан на BBC2 и неплохо принят. Документальный фильм о европейском блэк-металле «Царящие в аду» купили на DVD тридцать тысяч человек. Двести тысяч скачали документалку «Кровавое безумие» о трех британских туристах, которые пропали за Полярным кругом. Это был настоящий успех. Не какая-нибудь фигня. Он знал то, о чем говорил. У него была стоящая фильмография. Но распространители первых трех фильмов заявили, что он должен им денег: пятнадцать штук. А еще на нем до сих пор висел десятитысячный долг за производство «Шабаша», тяжелый, как наковальня. В результате после последнего фильма и невыплаченной аренды он был должен тридцать тысяч фунтов по разным кредитам и займам. День финансовой расплаты приближался. Ожидание не давало веселиться даже по мелочам. Он уже физически не мог расслабиться, а это оказалось еще хуже, чем потеря пусть призрачной, но радости. Кайл заметил, что кое-какие гарантии «Ревелейшн Продакшнз» все же давала. Счастье: они обещали его прямо. Так что, может, и стоит сделать им фильм о тантрическом сексе.

– Почему вы думаете, что меня должны интересовать секты?

– Я видел ваши работы. В них чувствуется свежесть и незащоренность. Когда речь идет о чем-то узкоспециальном, осмеиваемом, забытом. О необъяснимом. Вы не эксплуатируете идеи, Кайл, и мне это нравится. Не гонитесь за сенсациями. Вы непредвзяты, друг мой. Поэтому мне интересно, сможем ли мы работать вместе. Меня интересует ваш подход. Ваше видение.

Кайл постарался ничем не выдать, что польщен.

– Я снимаю фильмы по одному принципу. Я хочу показать субкультуру и понять ее. Или честно рассказать историю. Отразить именно то, что мои герои испытали на себе. Я снимаю только то, что мне интересно. Истории, которые меня завораживают, которые никто еще не

рассказывал – или рассказывал плохо. То, чего избегают или по крайней мере не понимают в обычном кино. Мне кажется, что я знаю способ этого достичь, и не буду от него отказываться. Если по ходу дела я смогу обойти Голливуд и существующую бизнес-модель – отлично. Художественный компромисс, кража идей, «белые воротнички»... Хватит. С меня хватит. – В его голосе было едва скрытое предупреждение. Ему говорили, что не слишком умно и даже непрофессионально демонстрировать свою озлобленность в разговорах с продюсерами, но сегодня он предпочел проигнорировать эти советы.

Макс высоко поднял выщипанные брови, но вот нижняя часть лица не шевельнулась. Значит, он еще и подтяжку делал. Полуулыбка, в которую Кайл уже почти поверил, была, оказывается, издевательством.

Кайл постарался подавить растущее раздражение. Получалось плохо: все равно что закрывать банку красной краски слишком маленькой крышкой.

– Наступает мое время, таких режиссеров, как я.

Вышло слишком драматично, Кайл сразу почувствовал себя идиотом, но тем не менее всегда искренне радовался тому, как киноиндустрию трясло от цифровых технологий, лишивших продюсеров былой монополии. Напоминать им о новых временах – это самое меньшее, что он мог сделать.

– Со временем я сам собираюсь заняться распространением собственных фильмов. Для специфической аудитории. В них никогда не будет идиотского цензурированного дерьма, вставленного ничего не понимающими чиновниками с их приходами-расходами, итоговыми графами и карьерами. Я финансирую, снимаю и монтирую фильмы сам. Следующий мой шаг – разобраться с дистрибуцией. Вот что я об этом думаю.

– Понимаю, – Макс посмотрел на свои тонкие, как у женщины, пальцы, несколько секунд поизучал ногти, при этом то ли хмурясь, то ли стараясь не улыбаться. Сложно понять мимику человека, чей подбородок когда-то, скорее всего, был частью лба. – Ваше «Кровавое безумие» поразило меня недвусмысленной очевидностью, если можно так выразиться, паранормального аспекта этой трагической истории. Из этого фильма я понял, что нечто очень древнее, бросающее вызов законам природы, ответственно за исчезновение множества людей... на краю света. Вы в это верите?

Начинается.

– Макс, все хотят знать правду. Я просто пытался понять, что случилось. Я никогда не смогу узнать, что конкретно там произошло. И думаю, никто не узнает. Но я полностью почувствовал место, где родилась эта история. Люди сами предлагали версии, я ничего им не подсказывал. Не пытался управлять ходом интервью или подгонять какие-то теории под факты. Мой разум и мой объектив были распахнуты. Любой, кто смотрит фильм, интерпретирует его. В наши дни все хотят высказаться. Весь мир – как будто присяжные, которые никак не могут договориться. Я даю аудитории известные факты и свидетельства, которые вполне могут оказаться ложными. И честно говоря, я не имел ни малейшего понятия о том, что это будет за фильм, когда делал его.

– Ясно. Интересно.

Что ему ясно? Пока Кайл говорил, Макс хмурился, как будто не слушал, а обдумывал свои дальнейшие реплики. Это бесило еще сильнее, если это в принципе было возможно.

– Я не люблю споров, мистер Соломон. Зрители обычно тоже не любят. Моя задача – выбрать историю настолько интересную, чтобы публика оказалась в некоторой степени сама вовлечена в нее. Это максимум того, что я могу сделать как режиссер. Я не снимаю звезд, не рассказываю про известные события, поэтому я и оказался вне *системы*. – Это слово он почти выплюнул и затем сделал глубокий вдох. – Поэтому я ищу сюжеты для заброшенных зрителей, которых не любит мейнстрим. И нас таких ужасно много. Я все время общаюсь с такими людьми в Интернете. Это моя аудитория.

– Вы достаточно зарабатываете своим индивидуальным подходом?

Пауза вышла дольше, чем Кайл планировал:

– Пока нет. С музыкальными фильмами и «Шабашем» вышла некрасивая история, поэтому «Кровавое безумие» я не продаю, а распространяю бесплатно в Сети. Пара инди-студий поместила на моем сайте свою рекламу, что покрывает часть расходов. Все остальное я брал в долг. Но дело совершенно не в деньгах.

Может быть, нужно просто встать и уйти? Он не может даже сделать вид, что этот человек ему нравится. А он лишь один из десятка режиссеров, среди которых Макс подыскивает человека для работы над «желтой» темой. По крайней мере его пригласили не на ланч, за который пришлось бы заплатить, а в настоящий офис кинокомпании. Кайл чувствовал, что они с Максом совсем разные; а если после всего, через что он прошел, не доверять своим инстинктам, то как вообще двигаться дальше? *Пора откланяться.*

Но тут Макс сказал:

– Я верю, что у меня есть для вас сюжет. Очень необычная история. Карты на стол, Кайл. Я хочу, чтобы вы сняли для меня фильм.

Тот с трудом удержал радостный вскрик, и вокруг них сгустилась тишина.

– Фильм о...

Полуулыбка окончательно покинула гладкое лицо Макса.

– Давайте я введу вас в курс дела, а потом вы сами скажете, нравится ли вам предложение. – Соломон откинулся на спинку кожаного кресла, в котором казался совсем карликом. – 10 июля 1975 года департамент полиции Феникса вытащил пятнадцать человек из заброшенной шахты в пустыне Сонора, в Аризоне. Через несколько часов после ночи Вознесения сестры Катерины. Храм Судных дней владел шахтой с семьдесят второго года.

Девять человек были мертвы, включая саму сестру Катерину. Шестерых нашли живыми. Пятеро из них оказались детьми. Шестым был печально известный Мануэль Гомез, он же брат Белиал. Любовник Катерины и ее палач. Единственный взрослый, который пережил эту ночь. Вы ведь о нем слышали? Убит неизвестными в тюрьме города Флоренс, прежде чем он смог предстать перед судом.

Пятерых членов секты, которые несколько недель перед ночью Вознесения жили в шахте, никто так и не нашел. Полагают, что их тоже убили и похоронили в пустыне. Именно уголовный аспект больше всего привлекал биографов, фанатов и исследователей секты. Полиция сочла, что убийства стали результатом драки, наркотического опьянения или были самоубийством. В газетах писали, что это сатанинский ритуал с человеческими жертвоприношениями, в котором погибла и лидер секты. Которую, кстати, обезглавили. И именно эта версия событий сохранилась в коллективном бессознательном – том, что вы назвали бы мейнстримом. Что еще нужно режиссеру-документалисту? Идеальная мрачная история, в которой есть все. Но... – Макс через стол толкнул к Кайлу кучку DVD, прозрачный «файл» и старую книжку в бумажной обложке, такую потасканную, что название уже не читалось, – четыре документальных фильма и три художественных об этой секте ужасны. Отвратительны. Действительно никуда не годятся. Из множества книг стоит прочитать только одну, «Судные дни» Ирвина Левина. Ее все тогда посчитали вымыслом, она уже давно не переиздавалась. Но полицейские из Юмы и Феникса сочли, что Левин в своем тексте был очень внимателен к деталям ночи Вознесения, когда случились все убийства.

Кайл откашлялся:

– Это случилось очень давно. Если не появилось никаких новых свидетельств, зачем снимать еще один фильм? Вы имеете в виду, что просто нужно наконец сделать это хорошо? Зачем? Какая-то годовщина или ностальгические воспоминания?

Макс прервал его, подняв маленькую руку;

– Нет. Эту историю никто никогда не рассказывал. Забудьте про убийц. Забудьте про полицейское расследование. Про газеты. Эту дорожку истоптали все кому не лень. Но известно и кое-что еще о Храме Судных дней. Сохранился фольклор и альтернативные истории фортеанского толка². Они нам доступны. Видите ли, очень многие верят, что мистические и оккультные изыскания секты принесли плоды. Что сестра Катерина сумела достичь чего-то... экстраординарного. И что ее добровольная смерть – она совершенно точно была убита по своему же собственному приказу, как и ее самые верные последователи, – стала частью этой тайны, необъяснимого феномена, сопровождавшего их с самого начала, с Лондона. Те, кто относится к подобному непредвзято, могли бы сказать, что именно из-за него секта не ушла в забвение. Таковую историю любой обычный режиссер постарался бы опровергнуть. Если бы вообще обратил на нее внимание.

Выжили и другие, Кайл. Погибли не все члены культа. Люди, которые бежали за много лет до того, как все закончилось. И другие, которые ушли всего за несколько месяцев. Люди, которые, по мнению многих, никогда не смогут забыть о том, что испытали на службе у сестры Катерины. А сейчас некоторые из этих выживших подали голос впервые после полицейского расследования в семьдесят пятом. И, как вы, наверное, понимаете, это значит, им есть что рассказать. Значит, они должны о чем-то рассказать. Но боялись все это время. И они дают нам возможность создать нечто исключительное.

Воздействие сестры Катерины на последователей было невероятным. Оно, ни много ни мало, ломало им жизнь. Оно было ужасным. Ее жестокость не знала границ. Как и ее фантазия в том, что касалось необъяснимого. Сестра Катерина каким-то образом завораживала людей.

Макс пригубил «Эвиан» из бокала:

– Понадобилась немалая сила убеждения, чтобы собрать тех членов секты, кто дожил до наших дней, – он улыбнулся и поднял руки: – Можно сказать, больше никого не осталось. Я нашел даже знаменитых Марту Лейк и Бриджит Кловвер, – он казался разочарованным от того, что Кайлу эти имена ничего не сказали. – Две главные свидетельницы процесса, дошедшие до суда. В семьдесят пятом они стали знаменитыми. Две молодые женщины, которые убежали из шахты в Аризоне вместе с детьми за три месяца до ночи Вознесения. Увы, но бедная Бриджит ушла из жизни в этом году. Но Марта, милая, милая Марта ждет нас, чтобы рассказать нам свою часть невероятной истории.

Кайл посмотрел на стены комнаты, освещенной как кабинет врача или фотостудия. В рамках висели обложки книг о диетах по гликемическому индексу и старые рекламные постеры кассет с инструкциями по духовным пробуждениям.

– Тема как-то в стороне от ваших интересов, не думаете? Не слишком здоровая и позитивная.

Макс просиял:

– Вот здесь, как я полагаю, вам особенно понравится наше предложение. «Ревелейшн Продакшнз» работает над новым проектом. «Мистерии». Новый способ продажи контента в Сети и на DVD. Мы принимаем цифровую революцию, Кайл. В нашем портфолио должно быть что-то авангардистское. Новый бренд станет базой для создания передовых контркультурных фильмов об альтернативной истории и неразгаданных тайнах. История Храма станет нашим флагманом. Понимаете, эта секта очень популярна в сети. Но мы предложим совершенно уникальный взгляд на нее. К тому же с цифровыми технологиями наши расходы вряд ли будут слишком высоки, как вы уже упоминали. А после того, как мы отобьем производство, прибыль поделим с создателями фильма.

Макс улыбнулся и поднял руки:

² *Чарльз Форт* – американский исследователь непознанного, предтеча современной уфологии. Прилагательное «fortean» в английском языке служит собирательным термином для необычного, необъяснимого и аномального (*прим. пер.*).

– Кайл. Я не могу объяснить, насколько это здорово – снова закатать рукава и кинуться в работу, – он улыбнулся стене, – думаете, я основал эту компанию, чтобы почивать на лаврах? ТЕСКО продает веганскую еду, а «Бутс» – ароматические масла, – Соломон потрянул головой, – но я альтернативно подходил к вопросам физического и духовного здоровья, когда это еще было ново и оригинально. Революция образа жизни, Кайл. Я это видел. Шестидесятые. И я снова хочу заняться творчеством.

Кайл прикусил губу, чтобы не крикнуть:

– Вы хотите, чтобы я снял первый фильм?

– Точно. – Макс постучал наманикюренным ногтем по файлику на столе. Теперь казалось, что его предложение очень срочное, и он больше не может это скрывать: – Я хочу, чтобы вы начали прямо сейчас. У нас мало времени. Следы, которые я так тщательно искал, могут остыть. Все, что тебе нужно знать об интервьюируемых, здесь. Имена, биографии, их связь с Храмом. А еще фотографии и информация о местах, которые придется посетить.

Кайл сидел тихо, не в силах поверить в происходящее; голова шла кругом от волнения, страха и необходимости быть осторожным. То, что сейчас случилось... не могло случиться. Ему предложили то, что никогда не предлагают.

Никогда.

Неподвижное лицо Макса слегка расслабилось:

– Я буду исполнительным продюсером. Все креативные моменты – на вас. И на площадке я торчать не буду, решайте все сами. Мне кажется, вам это понравится. Если вам что-то понадобится по ходу съемок, просто позвоните, и я постараюсь все устроить. О лицензировании и распространении я тоже уже позаботился. Моя компания будет инвестором. Мы выйдем прямо на рынок. Деньги уже выделены и ждут. Вас.

Кайл взял папку:

– Нужно это как следует изучить.

– Съемки начнутся в субботу.

Кайл истерично засмеялся:

– Что? – *Макс, вообще, знает что-то о кинематографе?* – В субботу?

– График готов. Все разрешения на съемки получены. Жилье и билеты бронируют сегодня. Поскольку я ваш работодатель, моя страховка покрывает ваше здоровье и оборудование.

– Сценарий? Я ничего об этом не знаю... почти ничего. Мистер Соломон, мне нужен сценарий. Мне нужно подумать, как рассказать эту историю.

– У вас есть пять дней, чтобы познакомиться с ней. – Макс постучал по книге Левина. – По графику съемок вы будете двигаться в хронологическом порядке, в соответствии с историей секты: Лондон, Франция, Аризона. Вот вам и логлайн³. Сюжет движется от основания секты до самоубийства. Шесть мест, три страны, одиннадцать дней. Ни дня больше. Никаких дублей или пересъемок. Я хочу потратить ровно столько пленки, сколько займет фильм. Кадры из хроники в файле. – Макс улыбнулся: – Вы что-то сказали?

Накатило ощущение дезориентации. Двигалось то ли кресло под Кайлом, то ли вся комната. Слишком много вопросов, предчувствий, подозрений – он не мог ни удержать их в себе, ни сформулировать словами.

– Места съемок. Я должен их хотя бы увидеть. Подумать о звуке, освещении.

– Людей там не будет, это довольно отдаленные места. Заброшенные. Вы же – специалист по таким. Придется также нанести пару визитов в частные дома. Могут быть странности, о которых я не знаю, но ничего сложного для человека с вашим опытом и талантом. Экстремальные партизанские съемки. Ваш *raison d'être*⁴, мой дорогой.

³ Аннотация (*прим. пер.*).

⁴ Смысл жизни (*фр.*).

– Монтажный лист для каждой локации, – теперь Кайл думал вслух. – Это очень важно. Нельзя спланировать все, мистер Соломон, иначе придется наспех исправлять ошибки, которые нельзя было предвидеть. Мои фильмы очень простые. Одна-две камеры. Но все-таки мне нужно продумать каждый кадр.

Говоря все это, он думал о долгах. Нужно спросить о гонораре. Он вообще предусмотрен? Макс упоминал деньги?

– Фотографий хватит, отрезал Соломон. – Задержек больше быть не должно. Именно поэтому я предлагаю работу вам. Мы очень далеко зашли. По этому графику может работать только... режиссер с вашими способностями. Какие-то проблемы?

– Но... люди, у которых нужно брать интервью. Я о них ничего не знаю. Нужно хотя бы с ними поговорить.

– Нет времени! Первый день съемки – суббота. Боюсь, что в последнюю минуту моя команда меня подвела. По личным причинам они не смогли начать работу.

– Команда? Кто...

– В любом случае, я знаком со всеми, кто согласился сниматься. Так что вам придется довериться моему выбору. Думаю, никто из них вас не разочарует. Я бы не стал с вами даже разговаривать, если бы не был уверен в вашей способности к импровизации. Способности держаться в рамках графика и бюджета. Я знаю, что вы делаете фильмы буквально из воздуха, пользуясь знакомствами, на отложенных платежах. А мы уже проделали большую работу. И я включил список вопросов, которые бы хотел задать героям нашего фильма.

– Вот здесь между нами могут возникнуть некоторые проблемы относительно цели...

Макс встал, показывая, что встреча окончена. Нетерпеливо ответил:

– Это не жесткая инструкция. Так, указания. Единственное, чего я хочу, – исследовать паранормальные аспекты *организации*. Это и есть цель фильма. И мне кажется, что моя цель должна стать и вашей. Мне неважно, как вы будете строить кадр. Выбирайте любую композицию. Я хочу видеть ваш стиль. И каждый день получать уже отснятый материал. Как это можно устроить?

– В последних двух фильмах я использовал параллельный монтаж, вышло неплохо. Черновой монтаж лучших кадров делал просто в Final Cut Pro, а финальным занимался мой монтажер Маус.

– Отлично.

– Мастер-файлы я отправляю к нему на жесткий диск. Сжатие обычно занимает больше времени, чем длится ролик, но, думаю, задержка будет не больше дня-двух.

– Лучше день. А ваша команда?

– Мой партнер Дэн. Без него никак. И он работает с камерами.

– Значит, вас трое. Дэн и этот, Маус?

– Я так снял последние два фильма.

Пока Макс обходил стол, протягивая руку, Кайл думал, впечатлил ли исполнительного продюсера своим минимализмом или тот просто обрадовался сокращению расходов.

– И они должны подписать соглашение о конфиденциальности. Боюсь, что проект нужно держать в тайне до самого конца. Это сложная история.

– Не вижу препятствий. Фестивали? Кинопрокат? Хорошо бы хоть попытаться.

– Да, конечно. Мы планируем распространение на DVD, в Интернете и телеэфир. Но отказываться от других возможностей тоже не будем.

Кайл встал, слегка пошатываясь. Голова кружилась, все тело как будто надули гелием.

– Вы оставляете все творческие решения за мной?

– Конечно.

– Я хотел бы посмотреть договор.

– Вот он. Вы, кажется, сомневаетесь.

– У меня печальный опыт, мистер Соломон. Все инвесторы думают только об одном: прибыль любой ценой.

– Ну да, я, понятно, надеюсь, что наше сотрудничество принесет прибыль. Думаю, аванс довольно щедрый?

– Аванс? – Нависшая тень разорения словно бы побледнела. Долг, казалось, изменял гравитацию вокруг Кайла и делал мир настолько тяжелее, как будто он находился на другой планете. Одна мысль о том, что ему удастся от него избавиться, принесла невиданное блаженство.

– Да. Одна треть сейчас, одна – по завершении съемок, остаток – после окончательного монтажа шедевра. С командой поделитесь сами. Надеюсь, сумма соразмерна вашей репутации. Думаю, сто тысяч фунтов плюс расходы по чекам.

Сто тысяч. Кайл сглотнул, чувствуя, что сейчас упадет в обморок.

– Берите договор, почитайте. Покажите агенту, если он у вас есть. Поскольку у вас есть свое оборудование и люди, наша компания будет лишь издателем-контрактором вашей картины.

– Можно взглянуть на ваш прогноз движения ликвидности?

– Конечно. Еще что-нибудь?

Пауза вышла чуть дольше, чем Кайл рассчитывал. Он не мог понять, дьявол ли Соломон или его спаситель.

Макс улыбнулся, сверкнув идеальными зубами:

– Значит, договорились?

Кайл кашлянул, прочищая пересохшее горло, и взял договор:

– Я сначала посмотрю договор.

– Ответ нужен сегодня, – Макс взглянул на свои «Патек Филипп», – скажем, к пяти часам.

Два

Вест-Хэмпстед, Лондон.

30 мая 2011 года

– Дэн, ты веришь в чудеса? – Плечом прижав трубку к уху, Кайл почти бежал от метро к своей квартирке на Финчли-роуд. Он задышался и был слегка пьян.

– Нет.

– Я тоже не верил. А теперь я расскажу тебе, что они существуют. Я встречался с «Ревелайшн Продакшнз».

– С кем?

– Ну те чуваки, которые выпустили «Послание». – Тишина. – Ну, ту самую книгу.

– И?..

– Еще они снимают видео и всякое такое. А сейчас запускают новую серию. «Мистерии». И попросили меня снять первый фильм.

– Круто. Наверное.

– Это значит, что у нас снова есть работа.

– Что за фильм?

– Приезжай, расскажу.

– Я сейчас типа занят.

– Чем – трахаешься? Остальное вполне можно отложить. Ты должен это услышать.

– Душа, разум и тело. Тофу, кристаллы и прочая хрень. Звучит не очень, Кайл. Я понимаю, что сейчас нам нелегко...

– Сто штук аванса.

Тишина.

– Гонишь.

– Я же говорю, приезжай. Полюбишься на бюджет. Все документы подписаны. Страховка готова. Он даже раскошелится на страхование персональной ответственности. Телеформат. Это, сука, невероятно. Ты в теме?

– Так. Помедленнее.

– Чувак, нам не придется окучивать дистрибьюторов и посылать фильм на фестивали. Все уже сделано. Нас уже купили! Он собирается продавать всю эту фигню в интернете. Все, о чем мы мечтали, и еще немного. Нам даже бегать не понадобится!!

– То есть этот мужик просто позвонил тебе и предложил сделку? В чем подвох?

– Похоже, ни в чем. Я просмотрел контракт в пабе. Конечно, я его еще кое-кому покажу, но, по-моему, кто-то вытянул счастливый билет. В последнюю минуту. Не знаю как. Мне кажется, этому Макс и правда нужен фильм. Такое бывает. Он ждет ответа сегодня. Я не могу работать без тебя. И не хочу.

Он услышал, как Дэн встал. Полилась вода в унитазе.

– Теперь вытри задницу и вымой руки.

– Расскажи подробнее.

– Я быстренько пробежался по графику. Там есть старая шахта. В Аризоне, чувак! В Аризоне! Можешь в это поверить? Пара домов в Штатах, один в Сиэтле. Всегда хотел там побывать. Ферма во Франции. Никого не придется уговаривать. Снимаем только при дневном свете. Интервью, общие планы, средние планы всяких заброшенных мест. Ни улиц, ни кучи людей. Никаких уродов! Ноутбук вместо монитора. Две камеры. Все очень просто. Единственная проблема – график очень жесткий, никаких дублей. Мы не можем облажаться.

Конечно, спешка и неподготовленность контрпродуктивны. Тут Кайл уже полностью поступился принципами. Раньше он по несколько дней изучал место съемки, прежде чем достать камеру. А тут даже такой возможности не будет. Неужели Макс реально предлагал такой график: всего четыре дня на изучение первого места, поиск точек съемки и составление монтажного листа? Четыре дня до того, как придется проехать через три страны за... он не помнил, но недолго. Это возможно?

– Погоди. Про что это вообще? Фильм?

– Это очень яркий сюжет, – вдобавок к своим скудным знаниям он успел пролистать в пабе «Судные дни». Для начала проделал ровно то, что каждый человек делает с книжками такого рода: открыл вклейки. Он увидел семьдесят черно-белых американских лиц – длинные волосы, веснушки, идеальные зубы. Аэросъемку пустыни, ветхие деревянные дома и снимки с места преступления – пришлось повертеть книжку, чтобы понять, где тут руки, а где ноги.

А еще его охватила дрожь возбуждения. Долгое незнакомое чувство, от которого кружилась голова.

– Храм Судных дней, – сказал он Дэну, – хиппи-убийцы. Я все прочитаю, как только доберусь до дома. А пока зайди на «Амазон» и купи «Судные дни» Ирвина Левина, третье издание. Это документальная книга. Макс договорился об эксклюзивных интервью с выжившими участниками. Вся подготовительная работа сделана. Можешь в это поверить?

– Но я уже видел какой-то фильм об этом.

– Да, их было семь. Но они все об убийстве и полицейском расследовании. Никто еще не рассматривал эту историю с паранормальной точки зрения. Вот тут-то мы и выступим. Прямо как в «Кровавом безумии». Три страны, шесть сцен, одиннадцать дней. Свет, камера... мотор!

– Одиннадцать дней! Маловато, Кайл.

– Да, но не невозможно. График впечатляет. Очень профессионально сделано. Если бы это был наш следующий фильм, у нас бы в два раза больше времени ушло. Правда, потом понадобится месяц, чтобы отоспаться, но мы можем себе это позволить. Я уже говорил про сто тысяч?

Отказываясь снимать крестины и корпоративы вместе с Дэном, Кайл зарабатывал себе на еду в видеотеке в Сохо, всяким левым фрилансом и редкой агентской работой. А последний раз и вовсе паковал мобильные телефоны на складе в Уэмбли, набитом веселыми баптистами из Ганы, нелегальными иммигрантами и молодыми азиатами с дорогими смартфонами, по которым они беспрерывно говорили о своих диджейских и звукозаписывающих «проектах». В наши дни у всех есть какие-то долбанные «проекты». Одна неделя ночных смен на складе разбитых мечтаний принесла отчаяние, материальное, как сыпь. Но сейчас все надежды на карьеру в партизанском кинематографе возродились.

Между Кайлом и Дэном повисла тишина. Один тяжело дышал, а второй слушал его пыхтение.

– Ты надо мной шутишь, Кайл. Не надо так.

– Я не такой жестокий. Боже, мне нужна эта работа. Ангелы-хранители, спасибо вам. – Кроме долгов за фильм, он три месяца не платил за квартиру, пять месяцев – взносы по кредитной карте, в мировом суде на него лежало дело за неуплату муниципального налога, а еще Кайлу грозились отключить газ и электричество, потому что за них он тоже не платил уже восемнадцать месяцев. Каждый раз, включая утром свет, он сильно удивлялся. *Сто тысяч!*

Кайл никогда не тратил на съемки больше десятки. Последний фильм обошелся им с Дэном в шесть тысяч, а жили они в палатке у съемочной площадки. Если бы у них получилось сделать еще один фильм, то там бюджет вышел бы меньше двух штук. Но не сейчас. Сто штук на троих. Теперь-то он всем покажет. Вернется с шумом.

У Дэна слегка дрожал голос – видимо, его тоже поразила цифра:

– Работаем тем же составом, что и над «Шабашем» и «Кровавым безумием»?

– Конечно. Я – водитель, директор картины, личный помощник, режиссер, постановщик, при необходимости второй оператор, а заодно делаю кейтеринг. Ты заместитель режиссера, главный оператор, осветитель, гример и первым выбираешь, где спать. За звук отвечаем вместе. Маус будет техническим директором. Сейчас я ему позвоню.

Кайл никогда не видел Мауса за пределами кресла. Маус, даже когда говорил, если вообще открывал рот, не убирал руку с мыши и постоянно ею щелкал. Ходили слухи, что он десять лет не выходил из своей квартиры в Стритеме и что у него всего две рубашки. Судя по бороде, как у генерала конфедератов, и зеленоватому цвету лица, слухи не лгали. Солнечный свет мог его убить. Он никогда не бывал на премьерах фильмов, которые монтировал. Большую часть времени, посвященную работе, Кайл разговаривал только с половиной головы Мауса. Наверное, в целом он провел в его норе не меньше года, но с трудом представлял себе лицо Мауса в фас.

Когда-нибудь он умрет в своем кресле. Но сначала, конечно, доделает этот фильм.

Они почти никогда не говорили о своих проблемах с психикой, потому что это было неудобно. Дэну было свойственно компульсивное переедание, и он болезненно любил камеры и осветительные приборы; Кайл постоянно планировал и считал пенни вплоть до невроза, Маус измерял всю жизнь кусками по двадцать четыре кадра. Примерно поэтому они все оказались одиноки в свои тридцать с небольшим, и ни у кого из них не было детей. Жизнь выталкивала их на обочину. У Мауса никогда не было девушки; у Дэна – одна, в киношколе, но он отказывался о ней рассказывать. Кайл пробовал аж пять раз, но отношения разваливались с треском, не пройдя шестимесячной отметки. Но сильнее романтических неудач и долгов Кайла терзала мысль, что он больше никогда не сможет снимать фильмы. Будущее казалось ему ледяным, пустым и ужасающим. Но этот космос, где невозможно дышать, исчез, как только Макс сделал свое предложение. Без работы над очередным фильмом Кайла просто не существовало.

– Дэн, ты со мной?

– Подожди. Я думаю, как это снять.

– У нас куча экранного времени.

– Этого-то я и боюсь.

– Но мы сами решаем все. Ты знаешь, как я отношусь к быстрому монтажу. На хер это дерьмо. Почему все должно быть так быстро? Обрывки звука, которые забываешь за секунду, потому что сцена поменялась уже девять раз. Можно снимать медленно. Дать достойный материал. Не одно-два предложения. Это тебе не экшен. Мы полностью свободны, считай, это наш собственный проект, за который платит кто-то другой. Можем снимать интервью двумя камерами и монтировать куски, снятые с разных точек. Плюс немножко крупных планов и переключений, чтобы Маус не заскучал.

– То есть никакой рекогносцировки, никакого составления графиков, никаких собраний, никакого дерьма, никаких ссор. Все прямо на блюдецке. Подарок. Наследство. Выигрыш в лотерею. Я ни фига не обрадуюсь, если это окажется шуткой.

– Это правда.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я всегда чувствую подвох, чувак. И вот сейчас все четко.

Дэн помолчал:

– Когда начинаем?

– В субботу.

– Субботу?

– В эту субботу.

– В эту субботу!

Три

Из информационной справки Максимилиана Соломона:

Первая штаб-квартира Последнего Собора сдается и сейчас стоит без хозяев. Я получил разрешение на съемку.

Я бы сказал, что для нашего проекта очень важны как съемки в помещении, так и общие планы. Один из первых членов «Последнего Собора» встретится с вами по указанному адресу и даст интервью о жизни в самом эпицентре этой истории тогда, когда все началось, в 1967 году. Ее зовут Сюзан Уайт или сестра Исида (см. раздел биографий). На съемку отведены 11 и 12 июня.

Кларендон-роуд, Холланд-парк, Лондон.

11 июня 2011 года. Полдень

– Здесь. Только дверь была красная, а не черная, ее перекрасили. – Сюзан Уайт, не переставшая говорить с той секунды, как ее маленькая нога коснулась тротуара, махнула тонкой ручкой в сторону элегантного трехэтажного особняка в георгианском стиле. Ее такси дернулось в сторону от тротуара, отблескивая черным корпусом в тусклом дневном свете.

Кайл снова посмотрел на сгорбленное тельце, увенчанное лохматой копной белых волос. Сюзан Уайт. Она производила совершенно абсурдное впечатление. Клоун. Это слово всплыло в голове, и он чуть не рассмеялся. Старался не смотреть Дэну в глаза – тот тоже с трудом удерживался от смеха, повернулся к нему обширной спиной и сделал вид, что настраивает камеру. Каждый понимал, что если они обменяются хоть взглядом, то сразу расхохочутся.

Под глазами Сюзан Уайт были размазаны романтические зеленые тени, а поверх почти отсутствующих губ она намалевала алый рот. Сквозь непокорные седые волосы сильно просвечивал бледный скальп. Она явно подготовилась к исповеди на камеру. Ее наряд представлял собой такой причудливый компромисс между высокой модой и блошиным рынком, что понять

разницу мог бы только натренированный глаз. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь густую листву, пятнал ее аметистовое платье неровными тенями. Бирюзовая шаль на тощих плечах завершала ансамбль.

Какое-то время – достаточное, чтобы пауза стала неловкой, – Сьюзан Уайт не отводила слезящихся глаз от высокого плоского фасада.

Кайл заговорил, чтобы не смеяться:

– Здравствуйте, Сьюзан. Или называть вас сестрой Исидой?

Она повернулась всем хрупким тельцем и уставилась на него с упреком. На худой шее висел ремешок со стразами, постукивавшими в такт с деревянными браслетами на костлявых запястьях.

– Не смейте так меня звать!

Кайл вздрогнул. Старуха бросила на дом еще один осторожный взгляд, как будто это объясняло ее реакцию на прозвище, данное в секте:

– Не здесь. Пожалуйста. Сьюзан подойдет.

– Очень приятно, Сьюзан, – Кайл взял ее холодную руку. Под почти прозрачной кожей виднелись черные вены, плоть одрябла, но на ощупь ладонь казалась гладкой, словно лайковая перчатка. Он посмотрел в ярко-синие глаза.

– Это Дэн. Мой коллега, – Кайл кивнул в сторону Дэна, который повернулся к ним при звуках своего имени. Лицо у него покраснело, а в глазах стояли слезы от едва сдерживаемого смеха.

– Вы чувствуете? – спросила она, снова посмотрев на дом.

Ну вот. Перестарались. Он надеялся, что она не заметит его разочарования. Пасмурная улица западного Лондона, тихая и элегантная в любое время года, плохо сочеталась с тем, что говорила Сьюзан. Ее попытки воссоздать атмосферу прошлого и разговоры о границах непознанного его уже утомили. И вера в способности Макса подбирать героев тоже пошатнулась. Наличие в фильме такого персонажа подорвет доверие к любым мистическим притязаниям выживших членов секты. Один только вид женщины воплощал в себе все самое смехотворное из духа шестидесятых.

Кайл кивнул Дэну. Знак, что пора переходить от общих планов улицы и здания к первому крупному плану сестры Исиды.

– Чувствую что? – Вопрос вышел отрывистее, чем он хотел.

Серебряные серьги затанцевали у морщинистых щек, когда она затрясла головой:

– Я... не чувствовала этого с шестьдесят девятого года. Невероятно. – Она закрыла глаза и повернула голову, как будто прислушивалась к далекой музыке. В солнечном свете ее лицо показалось еще более изможденным, если такое в принципе было возможно. Резкие линии, прорезавшие шею, стали глубже, когда она открыла рот: – Я впервые вернулась сюда.

Кайл закатил глаза. Дэн улыбнулся и занялся экспонометром поближе к дому, где Кайл хотел сделать установочный кадр со Сьюзан на фоне входной двери.

– Вы живете в Брайтоне?

– Да.

– Никогда не хотелось вспомнить старые времена?

– Я бы этого не вынесла. – Уайт закрыла глаза, чтобы не смотреть на дом, и пошла вперед, как по тонкому льду.

Быстро, но осторожно Кайл опустил микрофон-удочку и микшер и догнал ее. Она сжала его руку.

– Не уверена, что сумею.

Дэн смотрел на него в ожидании указаний. Но Кайл сомневался, допустимо ли снимать ее страх и уязвимость, не объяснив ей все как следует или не установив хотя бы подобие доверия: может быть, это некорректно. Но ему очень хотелось. Отличный кадр: сорок два года спу-

стя после бегства Последнего Собора выживший участник умирает от ужаса при виде пустого дома.

Свет был хороший, а вот звук хорошо бы наладить, если они собираются сделать из этого что-то путное. Поймав взгляд Кайла, Дэн водрузил камеру обратно на штатив.

– Извините, – прошептала она. Казалось, пудра сейчас начнет отваливаться с нее белыми бляшками.

– Хотите воды? – Он посмотрел на Дэна и одними губами произнес: «Быстро».

– Да, пожалуйста, – Сьюзан села на первую из семи ступенек, которые вели к каменному крыльцу. Она будто утонула в своем платье – груды складок вокруг маленьких ног выглядела жутковато. Спину у нее изогнуло серпом.

Кайл открыл бутылку воды. Она поднесла ее к сухому рту, шумно глотнула и отдала ему обратно. Горлышко испачкала красной помадой, и он понял, что сам пить уже не будет.

– Спасибо, вы очень добры, – Кайлу стало стыдно за такие мысли о напуганной старухе. – Как вам объяснить... вы не поймете. Как глупо с моей стороны.

– Просто расслабьтесь. Освойтесь немного. А потом...

Она вцепилась ему в ладонь. В глазах у нее плескался ужас. Кажется, ей было действительно не по себе.

– То, что случилось... началось здесь. Это было ужасно. Нас так мало... – Ее трясло под пышными одеждами.

– С вами все в порядке? Вызвать врача? – При мысли о скорой помощи у Кайла по спине забегали мурашки, а вот мысли о «злом» доме его нисколько не тронули.

Он попытался вспомнить, как делается искусственное дыхание. На ум пришло только, что нужно откинуть ей голову назад и прижаться губами ко рту. Теперь затрясло его.

– Думаю, все будет хорошо. Я обещала Макс и не хочу его подвести. Он купил мне билеты на поезд и еще всякое.

Кайл посмотрел на Дэна. Тот поднял невероятно густые брови.

– Если вам сложно, мы можем поговорить с кем-нибудь еще.

– Нет. Нет. – Сьюзан покачала головой. – Какой смысл расстраиваться сейчас! – и добавила уже тише: – Поздновато уже.

Рядом с Дэном остановилась женщина в узких джинсах и на высоких каблуках.

– Все хорошо, – расслышал Кайл слова напарника. – Наверное, сердце прихватило.

Женщина кивнула, и ее гладкий лоб прорезала морщина. Пошла дальше, цокая каблуками.

– Сьюзан, – Кайл взял ее за руку, – с вами все хорошо?

– Я чувствую себя такой дурой, – прошептала она.

– Не надо. Мы очень благодарны вам за то, что вы приехали. Вы уверены, что справитесь?

– Мир должен об этом узнать, – кивнула она, – Макс прав. – Она сжала губы и попыталась встать. Кайл поспешил ей помочь. – В этом доме навеки осталась часть меня. Надо посмотреть, не удастся ли ее вернуть. Войти внутрь.

– Там сейчас квартиры. Но в нашем распоряжении весь дом, до самой крыши.

Внутри здания к Сьюзан Уайт мистическим образом вернулись силы.

По комнатам первого этажа она скакала, как нелетающая тропическая птица, пытающаяся выбраться из клетки.

После недавнего ремонта все три роскошные квартиры, на которые поделили дом, стояли пустые. Серый свет сочился через большие раздвижные окна, согревая помещения, золотя ламинат на полу и освещая голые стены трех необставленных комнат и кухни на первом этаже. От белых стен, плинтусов и бордюров под высоким потолком пахло свежей краской. Нигде ни пятнышка. Из декоративных плафонов свисали голые лампочки.

– Здесь печатали журнал «Благая весть». Он продавался по всему Лондону! Здесь был офис, куда мы приносили пожертвования. В шесть часов каждый день.

Когда изначальное возбуждение спало, Кайлу пришлось ее притормозить и поделить ее рассказ по комнатам. Они снимали каждое помещение, а Сюзан рассказывала, для чего оно использовалось. Между кадрами он вставит документальные съемки лондонского периода. Двигаясь по зданию, они писали звук, снимали все двумя камерами. Как обычно, Кайл уже делал в уме монтаж.

К сожалению, декорации к рассказам Сюзан были почти одинаковые. Если бы квартиры были обставлены, они бы сделали что-нибудь умное со светом. Из одной комнаты открывался отличный вид на улицу, из другой – на мрачно-зеленый садик; вторая маленькая спальня; мрачные каменные ступени перед входом. Верхние два этажа распланировали так же, а, судя по заметкам Макса, был еще и подвал. На третьем этаже когда-то располагались апартаменты сестры Катерины, которые он оставил напоследок.

В заднюю комнату лучи солнца практически не проникали. Кайл спросил Дэна, что делать с освещением.

– Попробуем белую бумагу, – предложил тот. – Что-нибудь мягкое на стену. Может, фоновую подсветку. Периферийную.

Они уже давно научились приспособливать свет под каждую отдельную среду на локации, к разным условиям съемок днем и ночью. Большинство коллег Кайла сейчас поставили бы выравнивающий свет, а испуганное лицо Сюзан выделили бы из-за белых стен.

– Направленный свет сбоку. Придаст глубины, покажет характер, – усмехнулся Дэн.

– Отлично. Можно даже мягкие лампы взять, – и добавил шепотом: – Будет у нас свой Лон Чейни.

Дэн отошел, предоставив Кайлу смотреть в видоискатель второй камеры (Panasonic HVX200), а потом подал голос откуда-то из задней части здания.

Сюзан тихо стояла посреди голой комнаты, отделенной холлом от кухни. Прижав к щекам руки с накрашенными ногтями, она смотрела в потолок.

Ну вот. Правда, оценив ее позу и взгляд, он перестал думать, что она переигрывает.

– Здесь. Здесь началось отречение.

Дэн подошел к ней, чтобы оценить свет.

– Сюзан, тогда, может, начнем сейчас? – предложил Кайл. – С отречения. – Он опустился на колени и принялся распутывать провода.

Сюзан вытащила из сумочки платок, высморкалась и вытерла нос.

– Здесь я лишилась части себя. И до сих пор думаю, правильно ли поступила.

– Что такое отречение?

Сюзан воздела обе руки к потолку, не слыша Кайла.

Он так и не понял, выделяется она на камеру или настолько эксцентрична сама по себе, что не думает, каким клоуном выйдет на экране.

– Она возвышалась над всем. Слушала. Оценивала нас. Собирала информацию. Которую могла использовать. Потом. Против нас. Я никогда ее не прощу. Я знала, что это плохо для нее кончится.

– Почему? – Кайл посмотрел вверх.

Сюзан рассмеялась, не обращая внимания на него и Дэна. Высморкалась и промокнула платком уголки выцветших глаз.

– Мы отдали ей все. Отдали все, чтобы попасть сюда. Отказались от семьи, от работы. Многие развелись. Бросали детей. Бедных маленьких детишек.

– А что происходило в этой комнате?

– Собрания. Иногда они длились всю ночь. Начинались вечером и оканчивались утром, когда уже не было никаких сил. Они продолжались бесконечно. Она знала наши грехи. Мы

приходили, чтобы избавиться от прошлого. От скорбей... ответственности, разочарований... от всего, кроме нее. Даже от воспоминаний. Ей нужно было все. Все. Все мы. Все, что делало нас людьми. Делало нас особенными. Все, что стояло между нами и ею.

Поймите, тогда мы были другими. Подавленными. Замученными тоской и скукой. Мы чувствовали себя в ловушке. Боялись конца света. Мы были молоды и хотели приключений.

Жизни! Мы так много хотели сказать. И доказать, – задыхаясь от волнения, Сюзан повернулась к Кайлу.

Он прекратил торопливо крепить XLR-кабели ко второй камере и рекордеру. Глаза у нее горели, а из-под густого макияжа проступал румянец.

– Представьте, что вы нашли наставника. Учителя, который поможет вам убежать от себя.

– Это была сестра Катерина?

Она приложила ладонь ко лбу.

– Кого-то, кто сможет разжать кулак здесь.

Дэн бросился к камере. Сюзан постучала себя по костлявой груди:

– И здесь. Разве вы не примете его? Я была машинисткой. Черт! Жила дома с мамой и папой. А хотелось мне музыки и любви. Я хотела что-то делать, кем-то стать, жить. Здесь все было совсем не так. Здесь можно было разговаривать. Говорить что угодно. Я очень стеснялась, но она меня освободила. Она могла быть доброй. Поначалу она становилась твоим лучшим другом, матерью и духовником. Здесь я плакала. Плакала и кричала, когда все выходило наружу. Вы не представляете, как мне было хорошо. Нам. Быть здесь, всем вместе, делиться своим опытом. Юные, глупые, постоянно влюбленные. Жить без секретов и раскрывать главные тайны бытия. Мы считали себя свободными. – Сюзан остановилась и тяжело вздохнула. И добавила: – Она заполучила нас всех, прежде чем мы это осознали.

– Вы оставались в Последнем Соборе два года. Почему вы так долго не уходили?

На Кайле были наушники, на одном плече висел микшер, а обеими руками он сжимал удочку. Он стоял за второй камерой, пока Дэн первой делал крупные планы. Сюзан обвивали два радиомикрофона «Sennheiser». Звук со всех трех шел на жесткий диск рекордера, спрятавшегося за правой ногой Кайла. Это была уже вторая попытка, потому что первый раз шарф старухи сделал из звука черт знает что. Они спешили и не заметили, как он создает помехи. Дэн поставил обе камеры так, чтобы одновременно снимать Сюзан с разных точек. По опыту они знали, что кадров нужно как можно больше: если интервью затянется, Маусу будет из чего выбрать. А оно затягивалось: стоило Сюзан Уайт войти в дом, в ней как будто прорвало плотину.

– Что вы, нельзя было уйти от Катерины. Нет! Нет. Нельзя. – Она стояла у окна на первом этаже и смотрела в сад. – Мы были не такие. Мы боролись с системой. Мы были очень довольны тем, чего достигли, тем, частью чего стали.

– Но вы же отдавали ей все деньги, чтобы попасть сюда.

– Мы ни в чем не нуждались! Я продала все, что у меня было. Немножко бабушкиных драгоценностей. Мои маленькие сбережения. Я все отдала ей. Собору. Впрочем, это одно и то же. Катерина и была Собором. Несколько девочек отдали большие наследства, ну вы понимаете. Например, сестра Урания и сестра Ханна. Трасты. Чтобы попасть сюда, нужно было пожертвовать всем мирским. В противном случае тебя не брали в семью.

– Похоже, она произвела на вас большое впечатление.

– Это было... действие. Будущее! Революция! Мы должны были стать странствующими миссионерами. Жить своим умом. Она часто говорила, что мы должны «очиститься» бедностью. Начать сначала. Переродиться. – Сюзан покачала головой. – Но мне кажется, что мы жили только из доброты и милосердия незнакомых нам людей.

– Для чего использовался этот этаж Храма?

Сьюзан обвела комнату взглядом:

– Мы здесь спали. И в тех двух задних комнатах. Кухня тогда была «тихой», мы готовились к собраниям или сидели и размышляли о том, что поняли прошлой ночью. Сидели и думали, какими мы были жадными, эгоистичными, завистливыми и инфантильными. Здесь спали примерно пятнадцать человек. На полу, в спальных мешках. Везде были люди. В какой-то момент в этом доме жили больше пятидесяти человек. Никакого уединения. Это было запрещено. В этой комнате я спала два года.

– Но вы все равно не ушли.

Сьюзан откинула голову назад и разразилась смехом.

– Дорогой мой, мы были знамениты. Люди нас обожали! Летом мы ходили босиком или в сандалиях. Зимой в тесных кожаных ботинках. Черных капюшонах и длинных платьях. Нас считали ведьмами, милый. А мальчики! Острые бородки, длинные волосы. Горящие глаза. Пентаграммы, вышитые красным шелком. Или печать Соломона, или анкх, или кельтский узел. Неважно, во что мы верили, но мы были прекрасны. И опасны. Я имею в виду то, что о нас писали в газетах. Оргии! Поклонение дьяволу! Черные мессы! Нагота!

– Это было... преувеличение?

– Все до последнего слова. Первый год мы должны были хранить целибат. И только потом, после повышения в ранге, можно было погулять с юношей. Но только с тем, которого *она* для тебя выбрала, а вовсе не с тем, кто тебе самой нравится. Конечно, если ты не была фавориткой.

Сьюзан сузила глаза и наградила камеру знающим взглядом, который Кайл спешно вывел на ноутбук, служивший монитором.

– Но мужчинам мы очень нравились. Катерина разрешала нам красить глаза и пользоваться духами, когда мы выходили собирать пожертвования и продавать «Благую весть». Велела флиртовать, чтобы мы собирали больше денег. Учила смотреть в глаза и сладко улыбаться, как будто мы невинные маленькие монашки или наивные сельские девушки. «Пусть они мечтают о другой жизни, – говорила она, – о нашей. И о вас». Но мы умели держаться замкнуто. Этому она нас тоже учила. Были мы девственницами или шлюхами? Мужчины не знали. Поклонялись ли тайно Сатане? Искушали ли? Думаю, у Катерины были странные отношения с сексом. С мужчинами и их желаниями. Но она легко разрешала нам пользоваться этим, чтобы получить деньги. Это точно.

– Я здесь никогда не была, – недоверчиво сказала Сьюзан, оказавшись в бывших апартаментах сестры Катерины. Ее изумило, сколько здесь было света и пространства. – Никто, кроме Семерых, не мог сюда входить. На верху лестницы стояла дверь с огромным латунным молотком, отделявшая ее от нас.

Верхний этаж отремонтировали так же, как и нижние: деревянные двери, белые стены, запах свежей краски. Как все это выглядело в дни славы Собора, Кайл мог только воображать. Никаких фотографий не сохранилось.

– Кто такие Семеро?

– Одна из причин, по которой я ушла, дорогой. Избранные ею. В первый год многих людей включали в число Семерых, а потом понижали обратно. Но ее фаворитами большую часть последнего лондонского года были Серапис, Бел, Оркус, Аид и Азазель. И сестры Геенна и Беллона. Они следили за нами. Постоянно были злыми и мрачными. Никогда не улыбались, но могли вдруг обернуться и посмотреть прямо тебе в душу. А мы ужасно боялись рассердить Катерину, которой они все рассказывали. Мы постоянно думали, что на следующем собрании нас станут порицать за слабость. За то, что мы подводим Собор.

Кайл почувствовал, что материал получается отличный. Сьюзан говорила очень естественно и всего несколькими словами давала кучу информации, да еще и освещение выглядело на мониторе фантастически. Дэн умудрился заполнить каждый кадр, несмотря на пустоту

вокруг. Стало ясно, что Кайл зря опасался Сьюзан и пустой локации. К тому же, когда он выравнивал уровень звука в каждой комнате, то неожиданно выловил в окружающем шуме интересный бонус.

После съемок «Шабаша» в Шотландии, когда он неожиданно записал необъяснимые подземные звуки в туннеле под разрушенным епископским дворцом, он стал фиксировать всевозможные шумы на улице и в помещении, что очень украсило «Кровавое безумие». Часто эти звуки становились куда лучшим фоном, чем музыка. Шорох шведского леса, похожий на шуршание океанских волн, стал единственным саундтреком для последнего фильма. Ничто другое не могло подчеркнуть огромность и древность северной чащи. Но в наушниках, не успев записать рассказ Сьюзан об отречении, он услышал странный шум, словно где-то гомонила далекая толпа – это в западном Лондоне-то. Потом Кайл решил, что это ветер. Как будто тот дул на верхнем этаже. Прямо в доме.

Микрофон, похоже, уловил гул воздушных потоков в вентиляции, потому что окна были плотно закрыты: Дэн и Кайл все лично проверили, чтобы уменьшить шум машин с улицы. Но дом сам по себе издавал зловещие звуки, которые вряд ли можно было найти в библиотеке образцов.

– Сьюзан, расскажите нам, как менялось поведение Катерины?

Сьюзан снова нервничала. То ли из-за того, что разоткровенничалась о Семерых, то ли просто потому, что попала в пентхаус.

– Сьюзан?

Она взглянула на него, и ему пришлось повторить вопрос.

– Да. Катерина. На второй год она редко вела собрания. Она как-то отошла от всего. – Уайт стояла у стены, чувствуя себя неловко, как нашкодивший котенок. – Это было примерно в шестьдесят девятом. Где-то с Рождества предыдущего года мы все реже слышали о ней. Последний раз я видела ее в апреле шестьдесят девятого.

– Она полностью отстранилась от дел?

– Да. Но осталась здесь. Когда мы уходили на день, она обучала Семерых. По ночам они вели собрания без нее.

– Значит, тридцать человек спали в одной комнате, а себе она оставила целый этаж?

Сьюзан закатила глаза:

– Себе и собакам. Ее обожаемые «варги» жили как короли. Мы это узнали от тех, кто приходил их кормить. А еще она стала носить пурпурное платье. Королевский пурпур с горностаевой оторочкой. А Семеро носили красное. Ну чтобы отличаться от других. Одежда лидеров. Духовных наставников. Мне это не нравилось. Мы должны были быть все вместе, а они выделялись.

– Из-за установления этой иерархии вы и ушли?

– Не только. Она выбирала фаворитов и среди новых адептов. Обычно девушек. Тех, кто больше приносил денег и лучше лизал задницу. Тех, кто потворствовал ей и ничем не угрожал. Умных. Похожих на нее. Манипуляторов. Тех, кто мог выбирать себе парней. Девушки всегда были хорошенькие. Она использовала их, чтобы привлекать мужчин, и они занимались персональными медитациями с клиентами. Богатыми клиентами. Боже мой, мы все принимали целибат, а она торговала девочками. Они сделали бы что угодно для нее и для Собора. Вы знали, что в прошлой жизни она содержала бордель?

Кайл кивнул, глядя в монитор.

– А мы вот не знали. Это всплыло позднее, после американских событий. Но она снимала комнаты на Уимпол-стрит для своих фаворитов. Пара симпатичных мальчиков там тоже была. Они получали очень дорогие подарки за свои услуги. У них была своя комната на первом этаже, в передней части дома. Чтобы мотивировать остальных, заставить нас ревновать и бороться за

ее внимание. И мы, наверное, себя выдали. То, как себя чувствовали. Кислые лица. Болтовня. Сплетни. А у Семерых были информаторы среди нас.

– Как по-вашему, что она здесь делала?

Личико Сьюзан съезжилось от злости:

– Нам говорили, что Катерина пребывает в постоянной медитации. Но при этом присутствует среди нас. Что она все и всегда о нас знает. Что мы думаем и чувствуем. Семеро говорили, что она нас защищает. И оценивает, чтобы выбрать достойных вознесения. Конечно, мы ведь исповедовались перед ней в первые дни, и она знала все наши тайны. Она прекрасно знала, как на нас воздействовать. И Семеро, наученные ею, обвиняли нас в инакомыслии. Выгоняли кого-то. Нам всегда казалось, что они правы. Мы не могли отрицать того, в чем нас винули, и мы исповедовались снова и снова.

– Почему?

– Мы отчаянно мечтали, чтобы нас приняли. Боялись быть отвергнутыми. Боялись, что она выгонит нас, если мы не покаемся. В ее отсутствии все стало лишь таинственнее. Она была самой тайной. О, она была очень умна. И ленива. Забрать такое могущество, не пошевелив и пальцем! Она мыслила стратегически.

– Как она поступала с людьми, которые лишались ее милости?

– На второй год моего пребывания здесь ввели ужасные наказания за неповиновение. Ужасные.

– Вы не могли бы рассказать подробнее? Это были физические наказания?

– В некотором роде. Для начала вас исключали, и это было хуже всего. Над вами издевались все члены Собора, которым было велено говорить самые страшные вещи. Прямо в этой комнате, где мы отказывались от прошлой жизни. В этом месте искренности и единения. Это казалось кощунством.

– А физическое насилие?

Сьюзан нахмурилась.

– Да, но все было не так, как писали в газетах. Ты наказывал себя сам. Веревками. Ну порол себя. Я никогда не видела, чтобы здесь кто-то кого-то ударил. Здесь такого не было. Но именно здесь они придумали то, что делали потом во Франции и Америке. Физическое унижение. Физически унижить человека перед всеми. Сделать его примером. Здесь я всего четыре раза видела, как они заставляли людей бичевать себя. Как это называется? Флагелляция?

– И все это время она была здесь? Вела роскошную жизнь?

– Я стала чувствовать себя рабыней, – кивнула Сьюзан. – Весь день бродила по улицам, продавая этот жалкий журналчик. Ужасная безнадёга. Иногда не удавалось продать ни одного, а ведь лучших продавцов награждали. Я не могла это вынести. В конце концов просто стала просить милостыню. Меня тошнило, когда я сюда возвращалась. Они наказывали меня – и других, кто не выполнил задачу, – выгоняя на улицу до самого утра, пока мы не приносили нужную сумму. Мы все превратились в нищих рабов. Некоторые девушки даже, ну, торговали собой. На улице.

– Это и стало катализатором? Последней соломинкой? Вы тяжело работали, не получая за это денег, а она богатели?

– Я... мне нужно присесть. У вас нет больше воды?

Кайл шагнул в кадр и помог Сьюзан сесть на пол, на котором она обмякла кучей. На улице садилось солнце, по краснеющему небу бежали оранжевые и розовые облака. Он протянул ей испачканную помадой бутылку и посмотрел на сжавшуюся фигурку на полу. Это место снова уничтожало Сьюзан Уайт.

Неудивительно, что она боялась даже посмотреть на здание.

Когда они возобновили съемку, старуха смотрела куда-то перед собой, как будто забыв, что камеры стоят в этой же комнате. Непонятно было, с кем она говорит. Дэн трижды попросил ее смотреть в объектив.

– Я думаю, что решила уйти, когда продавала «Благую весть» на улице, – второй год пошел. Я помню день, когда я, простуженная, замерзла и промокла. Кажется, у меня был грипп, и я бродила где-то за Британским музеем. Упала в обморок. Потом пришла в себя, совершенно больная. Села на скамейку. В тот день я ходила с сестрой Герой, но не смогла ее найти. Поэтому одна сидела на скамейке, промокая до костей. Никакого уважения к себе или достоинства у меня не осталось. Я сломалась. Сидела под дождем, жалела себя, а потом увидела брошенный «Ивнинг Стандарт». Кто-то оставил его на скамейке, и я хотела взять его и прикрыть голову от дождя и тут увидела заголовок. Я почувствовала, что это знак. Тогда что угодно могло быть знаком. Понимаете, как-то так мы и воспринимали мир. Там было написано что-то вроде «Главных спиритологов Лондона». Я нашла статью. Там была она. Катерина. В разделе светской хроники. На каком-то приеме, одетая, как кинозвезда. Вся в драгоценностях, с прической. Окруженная богатыми людьми. А я умирала под дождем. Тогда я пошла в газетный киоск и купила двадцать экземпляров. Потратила все деньги, которые заработала за день. Принесла газеты сюда и раздала всем. Чтобы показать, на что мы работаем. Каждый день, в дождь и холод. Я спросила их, неужели ради этого мы все бросили.

– С этого началась революция?

Сюзан устало покачала головой:

– Нет. Не совсем. Это просто подтвердило то, что некоторые из нас – кому уже хватило – думали о Катерине. В это время люди все равно начали уходить. Толпами. Она получала письма с угрозами от родителей сестры Урании. Могущественная, богатая семья. Катерина каждый месяц получала деньги из ее трастового фонда. Я слышала, что юристы сестры Ханны тоже постоянно пишут Катерине. Все пошло наперекосяк. Совсем не так. Мы стали привлекать слишком много внимания. Особенно после того, что Чарльз Мэнсон сделал в Калифорнии.⁵ Но большинство просто проглотили ту статью. Они слишком любили Катерину. Были слишком преданны. Ничто не могло этого изменить. Даже я дала Собору еще один шанс, хотя все внутри меня было против.

– Что с вами сделали за эти газеты? Вас наказали?

– Нет. Наоборот, Катерина прислала мне подарок. Жемчужные серьги. Нам запрещали носить украшения. Я ничего не понимала. Как это? Но... но зимой случилось еще кое-что. Мы называли это священным ужасом, и вот он-то и стал последней каплей.

У Кайла сжался желудок. Этого и хотел Макс.

– Расскажите, как это началось? Как выглядело?

Сюзан кивнула. Видно было, что она устала и нервничает. Честно говоря, раньше он никогда не видел такого измученного человека.

– Дело было не только в том, что собрания при Семерых стали другими. Изменилась сама атмосфера. Все изменилось. Все наши идеи. Как будто мы повернули на другой курс.

– Как так?

– О самопознании речь больше не шла. Мы не изучали себя. Больше не было никакого равенства или честности. Теперь главной целью стало *избрание*. Мы всегда считали себя особенными. Не такими, как все, ну вы понимаете. Но теперь нас учили, что мы выше любого, не принятого в Собор. Среди нас поощрялось презрение к миру за этими стенами. Впервые появилось слово «сырой» как обозначение тех, кто не входил в нашу маленькую семью. Я помню, как нам говорили, что любые поступки на пользу Собора оправданны. Служа сестре Катерине, мы

⁵ Чарльз Мэнсон – серийный убийца и лидер коммуны «Семья», члены которой совершили ряд жестоких убийств в 1969 году (прим. пер).

оставались невинными. Здесь мы должны были освободиться от совести и жалости и верить только в себя. Посвятить всю жизнь интересам Собора. Новым девизом стало «Власть через богатство». Нас учили использовать людей и поощряли тренировки друг на друге. Для контроля над мужчинами все чаще использовался секс. Нам приходилось спать с кем угодно по приказу Семерых. Я не помню, чтобы учитывалось наше мнение, но в этом был весь смысл. Нас сводили с людьми, которые нам не нравились. Если кто-то влюблялся по-настоящему, а это, конечно, бывало, Семеро разрывали пару, подкладывая девушку под другого. Мы могли любить только Катерину. Мне казалось, что в нас поощряют худшие наши черты. При этом новом режиме лучше всего жилось самым хитрым... – Сьюзан замолчала и уставилась в пол. Кажется, ей стало стыдно.

Кайл обменялся взглядами с Дэном, тот вопросительно приподнял бровь. Кайл покачал головой, прошептав: «Продолжай».

– Ее никто не видел. Ни разу не слышал за целый год. Но, кажется, чем дальше она была от вас, тем хуже себя вела.

Сьюзан понуро на него посмотрела:

– Да. Она стала деспотом, судя по приказам, которые передавала через Семерых. Нам всем раздали медальоны, наполненные *маной*. Пряди ее волос. Нам приходилось носить их на шее. Как талисманы. Нам говорили, что они очень могущественны. Любой подарок от нее назывался священной реликвией. Они всегда были дорогими, а нам казались совершенно невероятными, потому что у нас не было ничего, кроме одежды. Мы жили как нищие, а она покупала своим любимцам драгоценности. Никто не хотел признавать, что нас провели, что нас всех обдурила хитроумная сутенерша. Которая изучала сайентологические техники манипуляции сознанием в женской тюрьме. Которую отправили на нары за содержание борделя!

Сьюзан закрыла глаза и тяжело, устало вздохнула. Кайл дал ей посидеть минуту в тишине. Очень удачная, реалистичная съемка.

– Сьюзан, говорили, что она считала себя святой. Кто-то из вас в это верил?

– Я нет. Я ушла в том числе и поэтому. Не помню, когда это началось, но про нее стали говорить всякое. Однажды брат Ефан сказал, что она «живая святая», я рассмеялась, и мы ужасно поссорились. Понимаете, Собор вообще никогда не имел никакого отношения к Господу. Мы не хотели быть похожими на обычную религию, а тут появились верховные жрецы и чертова живая святая, которая нами управляла. Это мучило многих. Но я отдала Собору столько, что где-то в глубине души отказывалась бросить его. Так думали и другие. А на собраниях Семеро говорили нам, что Катерина настолько продвинулась по пути перерождения, что стала превращаться в святой дух. Ее поиск божественного в себе увенчался успехом. Так что все ее деяния теперь благословенны, ей все дозволено. Все, чего бы ни требовала ее природа, было благим. Нам говорили, что она поднялась над смертными, и, последовав за ней, мы станем избранными. *Блаженными*. Потому что мы невинны. Под ее началом мы отказывались от себя, чтобы вернуться к невинности. Стать как ангелы. И наша чистота позволяла нам использовать кого угодно для достижения своих целей. Она вроде прошла то, что называла «семью духовными ступенями», и потому смогла достичь «совершенной божественности». Однажды Семеро сказали нам, что она не может быть здесь, потому что воплощается. Возносится. И ее святость привлекла эти... *Сущности*. Которые наделяли ее даром пророчества. Нам говорили, что она входит с сущностями в прямой контакт. Атмосфера здесь изменилась.

– Священный ужас?

Сьюзан кивнула.

– Что изменилось? Это было физическое ощущение?

– Да. Было. Рано утром, когда собрания достигали кульминации, люди были вымотаны и ослаблены плачем, криком, исповедью, насилием. И в это время нам говорили, что среди нас присутствуют сущности.

Кайл понял, что настало время задать один из Максовых вопросов:

– Вы видели что-то... материальное? Или просто чувствовали, что все меняется?

– Мне кажется, воздух становился другим. Может, более холодным. Спертым. Как будто бы в комнату кто-то входил и вставал у нас за спинами. Вы, конечно, думаете, что это все мне привиделось. По лицу видно. Я вас не виню, я тоже так думала. Бог знает что мы могли тогда вообразить. Мы умирали от усталости, голода и страха. Но я помню странные запахи. Мерзкие. Вроде стоячей воды. Нестираной одежды. И так пахло среди нас. Внизу, – Сюзан ткнула в пол, – на собраниях, а потом в комнатах, где мы спали. Там было еще хуже. Нам говорили, что сущности приходят, чтобы сообщить свои желания избранным. И что мы должны анализировать свои сны и видения, а потом рассказывать их на собраниях.

– Какие бывали видения?

– Некоторые рассказывали, что внезапно начинали чувствовать чужие души. Кто-то вдруг видел себя чужими глазами или оказывался в другом месте. Кто-то утверждал, что слышит голоса. Кто-то говорил, что путешествует.

– Путешествует?

– Выходит из тела во сне. И все вели себя так, как будто это какой-то мистический, священный опыт. Но я не могла поверить, что в этом есть хоть что-то божественное. Скорее наоборот. Мне все это казалось заразой.

– Вы когда-нибудь испытывали что-нибудь подобное?

– Нет. Я ничего не слышала, не выходила из тела, не видела чужими глазами. И я в это не верила. Другие врали, чтобы порадовать Семерых и поддержать иллюзию Катерины, будто она превращается в бога и ее ведут духи. Люди верили во все, что она говорила, – или делали вид, что верили, – лишь бы она любила их сильнее. Вот так обстояло дело в самом конце, – Сюзан сделала паузу, – но есть одна вещь, которую я до сих пор не могу объяснить. Я участвовала в коллективном видении.

– Расскажите?

– Нам всем привиделось одно место. Убежище. Новый храм. Так нам сказали. Катерина тоже его видела. Ну так сказали Семеро.

– На что это было похоже?

– Там было темно, – Сюзан закрыла глаза, – но я помню каменные здания под деревянными крышами, луга с высокой травой. Дождь. И небо было странное. По нему словно волны шли, как от сильной жары, только шли они не вверх, а вниз. Как будто небо не до конца сформировалось. Но дело в том, что все участники собрания видели одно и то же. Мы не могли сговориться. Кто-то закричал, что видит дома. Кто-то другой сказал, что тоже видит, и пересчитал их. А потом мы все наперебой принялись описывать места и детали, которые видели. Кто-то сказал, что там пусто, – там и было пусто. В одно здание, длинное и белое, вели четыре двери. Остальные были сделаны из темного дерева, как амбары. На третьем доме не хватало черепицы на крыше. Я ничего не сказала, но тоже все видела. Все, что люди в этой комнате рассказывали друг другу. Я увидела это до того, как кто-то заговорил.

– И как видение истолковали?

– Как предостережение Катерины. Приближался конец света. А место, которое мы увидели, должно было стать нашим убежищем. Нам сказали, что все прошлое было только подготовкой. Долгие собрания, поиск себя, отказ от собственного «я». Проверки нашей веры и преданности Катерине. Те, кто остался, были избраны. Теперь мы все могли напрямую общаться с сущностями. Пришло время вознесения.

– Вас это не убедило?

– Нет. Но я не могу объяснить видение. Может быть, нам все внушили заранее, не знаю. Но сразу после этого мы стали собираться во Францию.

– И вы решили не ехать с ними?

Сьюзан покачала головой:

– Собор был отравлен злобой и ревностью. Я больше не хотела в этом участвовать. Не видела смысла.

– Кто-то еще ушел перед переездом во Францию?

– Несколько человек. Около десяти, наверное. Но на некоторое время борьба утихла и неравенство уменьшилось. Появление сущностей все улучшило. Дало надежду, что мы на самом деле важны. Что испытания того стоили, и что Собор выживет. Нам показали фотографию фермы, которую Катерина купила на деньги Собора. Наши деньги. То самое место из видения. Абсолютно точно. И мы сочли это чудом. Многие сразу все простили Катерине. Но я не смогла. И Макс тоже. Мы ушли в один день. За неделю до первого переселения.

– Простите? Макс? Наш Макс? Максимилиан Соломон?

Сьюзан вздрогнула:

– Пожалуйста, не говорите ему. Но да. Он был здесь с самого начала.

– Она странная, – сказал Дэн.

Он присел на корточки перед монитором, пока Кайл провожал Сьюзан и ловил ей такси. Дэн остался в передней комнате пентхауса, чтобы подписать последние SDHD-карты на 8 гигабайт. Все коробочки с картами подписывали так же, как видеопленки когда-то: название и дата. Переноса данные на ноутбук, они всегда знали, где какая съемка. В первом фильме Кайл этого не сделал и несколько недель отсматривал все подряд. *Больше никогда.*

А закончив черновой монтаж, он стирал рабочие файлы, чтобы освободить место для следующей съемки. У Мауса в его квартире хватало дисков, чтобы записать все рабочие материалы на полнометражный фильм. Он делал две копии на всякий случай, одну отдавал Дэну, а другую Кайлу. У него самого оставался оригинал. Вероятность того, что все три квартиры сгорят в один и тот же вечер, была невысока. Конечно, все трое жили как на свалке, но за время совместной работы отработали идеальную схему для хранения отснятого материала.

Потому что больше ничего не имело значения, как часто думал Кайл.

– И не говори. Но у нее вообще-то есть на то причины. Прикинь, такое пережить? Отличный материал, – он ничуть не кривил душой, но все же пребывал в замешательстве. Макс не рассказал, что имел отношение к Собору, и это испортило конец интервью. Да еще Сьюзан Уайт немедленно убежала, разочаровав его еще больше.

– Сколько времени? Семь! Я не собираюсь оставаться здесь ночью. Мне пора. Я устала.

Воспоминания в доме на Кларендон-роуд выпили ее до дна. Глядя, как она переходит от эйфории к отчаянию, горю и, наконец, бегству, Кайл тоже совершенно измучился. Несомненно, она пережила нечто совершенно экстраординарное, но последствия этого опыта явно разрушили ее безвозвратно.

– Мне казалось, мы собирались как-то, ну дать ей выпустить пар, – сказал Дэн, – она выглядела как Барбара Картленд пополам с гадалкой, а потом как-то поникла. Но она была хороша. Очень яркая женщина. В буквальном смысле.

Кайл сел и засмеялся, оглядывая роскошные стены будущей спальни какого-нибудь американского финансиста и его безупречно воспитанной жены.

– И как тебе материал?

– Просто невероятный, – Дэн улыбнулся, – осталось смонтировать – и все.

– Ты ей поверил?

– А почему нет? – Дэн пожал плечами. – В шестидесятых везде была такая фигня. Ложные мессии, мошенники-гуру, вытрясающие деньги из паствы. Духовные лидеры разъезжали на лимузинах, обвесившись «ролексами». Сестра Катерина – молодец. Пока ее последователи продавали газетки, наряженные, как в фильме ужасов, она ходила по дорогим клубам.

Кайл улыбнулся. Лег прямо на пол и потянулся, растягивая спину после целого дня работы.

– А сущности? Макс просил меня уделить им особое внимание.

– Херня.

– Успокойся уже, – рассмеялся Кайл.

– Ага. Сейчас.

– Мне понравилось. Было очень странно.

– Все равно херня. Спорим, они курили косяки размером с хорошую сигару? И таблетки вместо конфет жрали?

Не здесь. Это все позже. Ирвин Левин писал, что секта не знала наркотиков до Калифорнии, до второго переселения, когда они назвались Храмом Судных дней. Но Левин совсем не уделил внимания мистической стороне дела, его волновали не сущности, а преступления сестры Катерины и ее последователей.

Дэн выключил монитор:

– Что дальше, шеф?

– Паб. Еда.

– Круто.

– Тут через два квартала есть какой-то «Принц Уэльский», я науглил.

– Отлично. Потом вернемся сюда, закончим?

Кайл нахмурился, повернувшись к Дэну:

– Ты уверен? Мы же здесь и завтра можем поработать.

– Сделаем сегодня как можно больше. Завтра у меня крестины, займут целый день. А на следующей неделе мне еще нужно поработать пару дней на агентство, так что завтра вечером буду готовиться. Перед отъездом во Францию кучу всего нужно сделать.

– Я получил билеты на паром.

Дэн кивнул:

– С этим братом Гавриилом все готово?

– Да. У него нет электронной почты. И мобильного.

– Что-то я не удивлен. Ему, наверное, сущности все рассказывают.

– Я позвонил ему по домашнему и сказал, что мы приедем в четверг.

– А ты сказал, что в моей машине не должно быть никаких сущностей?

– Забыл, – Кайл засмеялся.

Когда они возвращались обратно к красному дому на Кларендон-роуд, солнце уже село, и город по-субботнему оживился. Хорошо одетые люди направлялись в рестораны и на вечеринки в Ноттинг-хилл и Холлан-парк, и скучный серый вечер расцвел короткими юбками, взрывами женского смеха, тихим гулом представительских автомобилей и хриплыми гудками такси.

– Пижоны, – сказал Дэн.

– Бездельники, – согласился Кайл.

– Как-то кризис их не задел.

– Чувак, программа «большого общества»⁶ дальше Шепардс – Буш не продвинулась.

Кларендон-роуд тонула в тени. Чем дальше они отходили от паба, тем тише делались звуки города: сирены, голоса, внезапная индийская музыка. Дорогие элегантные фасады и старые деревья не терпели шума.

⁶ Имеется в виду программа Консервативной партии 2010 года, в которой предусматривается пересмотр роли государства с целью развития духа предпринимательства, а также большая поддержка гражданского общества. Идея состояла в том, чтобы простые люди и общины строили «большое общество», которое бы взяло на себя часть обязанностей государства (*прим. ред.*).

- Как по-твоему, сколько стоит такой домик? – Дэн рыгнул.
- Я в метро видел рекламу агентства: примерно пять миллионов.
- Да уж, им пришлось до фига «Благих вестей» продать.
- Ну она масштабно мыслила.

Они дошли до темного дома, и Кайл принялся искать ключи.

- Третья пинта была лишней.
- От моей съемки тебя стошнит, – рассмеялся Дэн.

Хихикая, они вошли в дом, спотыкаясь в темноте. В окна, лишённые занавесок, просачивался бледный свет. Но только в передние комнаты, не дальше.

Кайл щелкнул выключателем. Электричества не было.

- Блин!
- Ты издеваешься?

Кайл покачал головой и тяжело побрел дальше. Включил свет в одной из комнат. Темнота.

- Наверное, пробки вылетели. Сколько у тебя батареек?
- Три. Хватит, если ты будешь изображать из себя великого художника. Будет много теней. Или...

Кайл вернулся в холл. Массивный силуэт Дэна заслонял почти весь свет, падающий из открытой двери.

- Или?
- Ночная съемка. Уменьшаем выдержку, и я тебе тут прямо «Ведьму из Блэр» сделаю.

Кайл прислонился к стене, положив руки на батарею, как будто грелся.

– В принципе, идея. Сюзан мы снимали при дневном свете. Тогда мои реплики могут быть и в темноте. Я в любом случае хотел предложить сделать пару ночных кадров, а то вышло немного однообразно.

- Клево. Где начнем?
- В подвале. Используем все тамошнее барахло. Ну, типа, вещи брошены, но могут рассказать свою историю. Сначала поставим пару ламп и сделаем такие зловещие кадры, а потом снимаем в темноте. Одна камера на штативе. Может быть, стедикам.
- Ясно. Помоги мне оборудование перетащить.

Они направились наверх за техникой. Чем дальше от двери, тем больше тускнел свет, и наконец путь к вещам пришлось искать на ощупь.

Дэн вставил в обе камеры новые аккумуляторы и проверил подсветку на одной из них. Кайл втайне был ему ужасно благодарен даже за столь скудное освещение. Маленькая круглая луна сияла с камеры, окруженная белесым, более бледным кругом. В его лучах отблескивали дверные ручки и глянцевая краска на панелях стены. За пределами ореола царил темнота.

По пути вниз Дэн вдруг замер. Кайл ткнулся ему в спину, и напарнику пришлось сделать еще два шага вниз.

- Мать твою!
- Ты почему встал?
- Тихо, – Дэн смотрел вниз, – ты закрыл дверь?
- Да, и запер.
- Тогда слушай, – Дэн поднял руку.

Кайл напряг слух. Темный дом как будто тихо жужжал.

- Что такое? – прошептал он.
- Я, по-моему, кого-то слышал внизу.
- Не начинай, – улыбнулся Кайл.
- Я серьезно. Кто-то там ходит.
- В соседнем доме?

– Может. Ладно, ты прав. Я просто боюсь, что за нами мог кто-то зайти.

– Пошли уже.

Спустившись на первый этаж, Кайл открыл дверь подвала.

– Только после вас, – сказал он Дэну.

– Почему?

– Потому что у тебя в руках свет, debil. Я не хочу отсюда свалиться.

– Да ну тебя.

Осторожно спускаясь вслед за Дэном, Кайл от души жалел, что выпил столько пшеничного «Францисканера». Но тут уже сам остановился на нижней ступеньке.

– Дэн?

– Что?

Кайл принялся:

– Чувствуешь?

– Что?

– Понюхай, – Кайл прошел в подвал, Дэн, пыхтя под весом камеры, последовал за ним. Втянул носом воздух и пожал плечами.

Пыльный свет, проникавший через закрытое подвальное окно днем, исчез. Окно, впрочем, все еще светилось отблеском уличных огней. В отсвете с трудом можно было различить силуэты картонных коробок и поломанной мебели, оставшейся от предыдущих владельцев. Прожектор на камере несколько усилил иллюминацию, и Кайл почти перестал нервничать.

– Что-то я этого не помню, – он посмотрел по сторонам, ища источник смрада.

Воняло вроде бы сточными водами: серный запах тухлых яиц, очень резкий и какой-то влажный. Как будто стоячую воду прикрыли чем-то гнилым, вроде мокрого ковра. Он вспомнил о словах Сюзан Уайт. Усилием воли подавил страх.

– Да, теперь чувствую, – сказал Дэн, – смотри, куда ступаешь.

Кайл всмотрелся в коробки, но было слишком темно, чтобы понять, не вытекло ли из них что-нибудь. Может, кто-то из бывших владельцев забыл здесь пакет с мусором?

– Бинго, – сказал Дэн.

Кайл посмотрел туда, куда указывал прожектор: несколько старых швабр, отбрасывавших тонкие, похожие на насекомых тени на старую штукатурку.

– Что?

– На стене что-то протекло, видишь?

По темной штукатурке растеклась темная лужа размером примерно с дверь, пронизанная бурими венами влажно поблескивавших водяных струек. Запах усилился.

– Надо бы сказать Макс, пусть позвонит агенту по недвижимости. Трубы лопнули, судя по всему. Раньше этого не было, и запаха я днем не почувствовал.

Дэн отвел камеру:

– Давай начинать.

– Ага. Вот отсюда, с лестницы. Тут заодно и вентиляция есть. Снимай отсюда и до окна, постарайся все захватить. Это жуткое окно используем, когда речь пойдет о детях.

– Понял, – пока Дэн устраивал на нужном месте себя и штатив, выставлял две маленькие лампы и писал мелом на «хлопушке»: *Сцена 6. Лондон, дом, подвал, ночь*, Кайл перечитывал сценарий, вспоминая свои реплики о первых днях существования Собора.

– Готов? – спросил Дэн.

– Поехали, – Кайл прокашлялся и проверил микрофон, не видный в кадре.

Дэн щелкнул хлопушкой и отступил за камеру:

– Неудивительно, что, когда в 1969 году после года вынужденного целомудрия сестра Катерина стала сводить членов Собора между собой и позволила им сексуальные отношения – редкие и часто публичные, – эти союзы стали приносить плоды. Хотя большинство детей

родились на ферме в Нормандии и после, в пустыне Сонора, как минимум, четверо появились на свет в штаб-квартире организации, незадолго до переселения во Францию. Детей держали здесь. Матерей к ним почти не пускали. Катерина внушила адептам, что любого ребенка, рожденного среди них, должна усыновить община. Что их нужно воспитывать без вредного влияния родителей. Присмотр за детьми рассматривался как наказание.

– Блин, – сказал Дэн, глядя в потолок.

– Я слышал, – прошептал Кайл.

Звук раздался снова. Кто-то постучал в дверь, над головой послышались тихие шаги и еще какой-то приглушенный шум.

– Здесь явно кто-то есть, – отчаянно прошептал Дэн, – ты, наверное, дверь не закрыл.

– Закрыл и запер, точно помню.

Кайл был уверен, что звук доносится из квартиры на втором этаже, дверь в которую он не закрыл после дневных съемок.

– Твою мать, – снова прошептал Дэн.

– Пошли посмотрим. Может, там ничего и нет.

Напарник не ответил и не двинулся с места, так что Кайл отправился наверх первым. Путь ему освещал свет прожектора на камере, падающий у него между ног.

– Не выключай. На всякий случай.

– Я тебе что, мальчик? – огрызнулся Дэн.

– Эй! – крикнул Кайл, подойдя к лестнице в холле. – Это частное владение!

– Скажи, что уже вызвал полицию, – шепотом предложил Дэн.

Кайл не смог себя заставить, потому что это звучало по-идиотски. Он набрал на телефоне три девятки и положил палец на кнопку звонка.

– Пошли, – шепнул он Дэну.

Они обошли первый этаж. Пусто. Поднялись на второй и постояли в дверях всех четырех пустых комнат. Прожектор на камере освещал пустоту. Ничего.

Единственным уголком, не видимым из холла, осталась ванная комната в главной спальне.

– Может быть, какой-нибудь дебил туда пробрался? – напряженно спросил Дэн. Они стояли и смотрели на дверь, пока Кайл, внезапно устав от собственной нерешительности, не распахнул ее.

Фарфор, дерево, хром: пусто.

Они поднялись в пентхаус: пусто. Спустились снова на первый этаж.

– Никого, – сказал Кайл.

– Ну дом старый. Скрипит, двигается.

– Может быть. Тут никого, кроме нас.

Дэн посмотрел на него через видеоискатель. Тут они поняли, что мужественно хмурятся друг на друга, и рассмеялись.

Спустя столько лет дружбы Кайлу все еще нравился его тихий смех.

– Мне надо отлить. Подвинься, – сказал Дэн. – И давай поскорее заканчивать.

– Ага, – кивнул Кайл. – Давай переделаем отрывок про детей. Потом снимем апартаменты сестры Катерины в ночном режиме. И когда пойдем отсюда, снимем весь дом. Потом наложим звук и смонтируем с репликами Сьюзан.

Дэн кивнул, застегнул ширинку, взял камеру и пошел к лестнице. Помедлил у нижней ступени:

– Ты все-таки не думаешь, что кто-то залез сюда и спрятался.

– Без вариантов. Шевели уже своей жирной задницей.

– Целый год сестра Катерина проводила бо́льшую часть времени в этих четырех комнатах. Выходила она нечасто, всегда в драгоценностях и одетая в дизайнерскую одежду, которую

так любила. Она отправлялась по магазинам на Бонд-стрит или в эксклюзивные клубы Мэйфэра, Найтсбриджа и Челси – сохранилось несколько фотографий. Этот дворец сложно сравнить с остальным домом, где члены секты спали вповалку, а из подвала доносился детский плач, будящий людей, и так лишенных всякого уединения. Такие различия демонстрировали последователям сестры Катерины, насколько она выше их. Она была абсолютным духовным лидером. Это стало совершенно очевидно в двух других местах, где она установила свою власть, но количество адептов при этом сильно сократилось. Как сказал один писатель...

– Блин! Тут точно кто-то есть.

Кайл чуть не подпрыгнул. Посмотрел на Дэна: у того на виске вились седые волосы. Дэн стареет, глупо подумал он.

Звук повторился. Стук в апартаментах наверху. Неуверенные шаги босых ног по деревянному полу. Но на третьем этаже не было никого, кроме них самих. Они даже проверили еще раз, чтобы успокоить Дэна.

– Что это? – У того лицо исказилось от страха. Он быстро снял со штатива свою любимую «Сапон ХНА».

Кайл отцепил от себя микрофон:

– Откуда я знаю?

Дэн медленно положил камеру на пол. Выпрямился.

– Это не смешно. Совсем. Я... – Где-то хлопнула дверь с такой силой, что он не закончил.

– Ты собираешься отсюда свалить, – договорил Кайл.

Дэн пошел к двери, Кайл за ним. Свет прожектора осветил комнату, на пороге которой они встали, не решаясь пойти дальше.

– Эй! Кто тут? – закричал Кайл. Эхо отдалось по всему зданию.

Тишина. Они взглянули друг на друга. Потом посмотрели вправо, вниз и в темноту, которая царил в остальной квартире. За шумом крови в ушах Кайл услышал тоненький вой. Вой?

Не факт. Наверное, это с улицы. Собака. Да, одна из соседских собак. Визжит, как будто ей на лапу наступили. Но довольно далеко. Над ними. Не может быть.

– Ты слышал? Снаружи?

– Пошли, а? – Дэн быстро моргал. Он повернулся, чтобы взять камеру, а потом замер.

Холодный сквозняк пронесся по холлу откуда-то из задней части здания. Слабый ветер, пахнувший разложением. Этот запах напомнил Кайлу о птице, которую он нашел в детстве: залитая черной липкой кровью и пыльная, она воняла смертью. Он зажал пальцами нос. Дэн закашлялся.

И снова послышался вой и звуки, как будто кто-то полоскал горло за стеной. Через пару секунд заскулила собака. Они стояли тихо и неподвижно, пока топот ног по темному холлу пентхауса не заставил их пошевелиться.

На секунду они застряли в двери. Дэн ткнул локтем в плечо Кайлу. Он меня отталкивает! Всколыхнулась паника, и Кайл вспомнил безгубый рот Сьюзан Уайт, произносящий «сущности».

Он побежал за Дэном по темной лестнице на второй этаж, подошвы конверсов скользили по гладким ступеням, а шум дыхания заглушал громкий топот напарника.

Кайл с трудом перевел дух. Он увидел глаза Дэна, когда тот полуподбежал-полуприковылял к лестнице на первый этаж, и пожалел об этом: в свете уличного фонаря, залившим бледное небритое лицо, они казались огромными и слепыми от ужаса. Истерика охватила и Кайла, у него задрожали руки и ноги, и он отчаянно захотел толкнуть вниз Дэна, загораживавшего лестничный пролет. Не знал, от кого или от чего бежит, но все его инстинкты вопили, что отсюда надо убираться.

Кайл влетел в квадрат уличного света на полу. Бледное жидкое сияние пробивалось сквозь маленькое окошечко на лестнице. Но за его пределами приходилось ступать негнушными ногами в полную темноту.

Кайл оглянулся. Увидел дверь в пентхаус. Грязная и черная, она словно вибрировала в полумраке. Насколько он мог видеть, внутри ничего не было. Но, если бы было, он замер бы на лестнице, не в силах двигаться.

Ожидая чего?

Он бежал вниз, слыша впереди шумные вздохи Дэна, потом пересек маленькую площадку и снова побежал вниз.

Мир трясся перед глазами, Кайл страстно жаждал света, ясности, которые могли бы преобразить мир и сделать его видимым и безопасным. Дэн был впереди, подгоняя его.

Наверху хлопнула дверь. Кажется, в пентхаусе. В шуме собственного дыхания, топота и ударов сердца Кайл различал скрежет, как будто собака яростно скребла когтями по деревянному полу. Он побоялся оглянуться снова.

Внезапный поток воздуха обрушился сверху на лестницу.

Долгий свист и что-то похожее на хрюканье.

– Блин. Блин, – пыхтел Дэн, натываясь широкими плечами на стены.

Кайл отпихнул его и сбежал по последнему пролету через три ступеньки, а потом метнулся к двери.

Дэн ткнулся ему в спину.

– Открывай! – Он тяжело дышал.

– Не получается! – Связка ключей в руке Кайла ходила ходуном, как маленькие серебряные рыбки в сети. Дрожащими руками он перебирал ключи, пробуя один, другой, третий, а потом уронил всю связку. Кажется, готов был закричать от ярости и страха.

Все звуки вдруг стихли.

Они глотали ночной воздух, упершись руками в колени. Стояли на тротуаре напротив темного тихого дома. Дэн пыхтел так, как будто у него случился инфаркт. «Меньше кебабов надо есть», – подумал Кайл, как будто не умирал только что от внезапного ужаса.

Он ткнул Дэна в толстое плечо, обтянутое мокрой от пота футболкой. Пахло от него так, как будто на лошадиную попону насыпали чипсов. Кайл вытер руку о штаны.

– Ты в это веришь?

Дэн молчал.

– Боже, – Кайл поднял в воздух обе руки, словно бы умоляя ночь ответить.

Напарник разогнулся, как старый дед.

– Ты что-нибудь видел?

Кайл тщательно обдумал ответ. Вспомнил все, что мог, о своем бегстве.

– Нет. А ты слышал этот звук?

– Какой?

Кайл нервно захихикал.

– Вот же дерьмо, – лицо у Дэна было пепельно-серое, а над верхней губой, в седеющей щетине, выступил пот. – Что это?

Кайл пожал плечами:

– Я слышал шаги. И... какие-то звериные звуки.

– Звериные? – Дэн слабо улыбнулся.

– Ну птицы. Звери. Как будто зоопарк где-то рядом. Ты слышал?

Дэн удивленно приподнял мокрую бровь:

– Я слышал голос.

– Не было такого.

– Ну вой. Как будто кто-то пытался петь. Наверное. Без слов. Или это была собака. Или флейта.

– Флейта? Как свистулька?

– Может. Не знаю. – Он помолчал и вдруг хлопнул себя по лбу: – Блин!

– Что?! – Голос Кайла стал выше на октаву.

– Камеры. Там же камеры остались.

Кайл засмеялся – больше от облегчения.

– Без священника я туда не вернусь, не надейся.

– Крестины. Мне надо быть там завтра в девять. Я обещал Джареду.

Кайл смотрел на дом несколько секунд, которые, казалось, растянулись на несколько часов, а потом покачал головой:

– Фигня какая-то, мне серьезно кажется, что это мой первый... самый первый опыт... столкновения с... чем-то.

– Это могла быть крыса или голубь, – Дэн попытался улыбнуться. – Собака. Сквозняк. Мы выпили. У старых зданий странная акустика. И мы ничего не видели. Просто испугались.

– Ну тогда иди и забери камеру.

Четыре

Вест-Хэмпстед, Лондон.

12 июня 2011 года. 13.00

К воскресенью вся эта история уже подзабылась. На рассвете они совершили отчаянный марш-бросок и выбрались из здания вместе со всем оборудованием.

В доме на Кларендон-роуд пряталось животное. Собака. Лиса. Птица. Голуби. Они были везде. Их движений и звуков, которые они издавали, хватило, чтобы напугать Кайла и Дэна до смерти. Или, как предположил Дэн, кто-то просто вошел за ними в дом.

«Но почему он не тронул камеру? Или того хуже?»

Кайл исключил версию телевизора или радио, потому что дом стоял на отшибе, и окна были закрыты. Но не стоило забывать, что в темноте воображаемое кажется реальным. Это естественно. И неудивительно – после рассказов Сьюзан Уайт о видениях и сущностях. Пара стаканов – и любого скрипа половицы хватит, чтобы сойти с ума. Поэтому, чем меньше людей об этом знают, тем лучше. Кайл даже смутился от того, насколько безопаснее себя почувствовал, проведя весь следующий день дома, в захлавленной студии. Сидел в спортивных штанах, работал над сценарием, окурки вываливались из уродливой пепельницы.

В этом маленьком грязном святилище он постепенно расслабился, уцепился за плесневелые якоря собственной жизни: древний кожаный диван, от которого болела спина, полки с сотнями дисков, стереосистема, соковыжималка – чей-то подарок, ее еще было совершенно невозможно вычистить, – куча книг, раскиданных по всему дому, афиши черно-белых фильмов, постер «Агирре, гнев Божий», оправленный в раму, стол из ИКЕА, который остался от прежних жильцов, а сейчас был завален папками, книгами и дисками.

Не бог весть что: потертое убежище с постоянно пустым холодильником, слабым запахом кошачьей мочи у входной двери, двумя раздвижными окнами, которые толком не закрывались, и неработающими обогревателями. Он не мог даже снять показатели с электрических и газовых счетчиков – те стояли в квартире двумя этажами ниже, где никто не жил.

После простора и элегантности особняка в Холланд-парке квартира показалась ему еще грязнее. Так бывает после ночи в дорогом отеле. Но это был дом, безопасный и реальный. И хотя после пережитого прошлым вечером Кайл мучился до самой ночи, а потом видел сны, которые не смог вспомнить утром, свет нового дня рассеял страх.

Кайл взял четвертую флешку с надписью: «Лондон, 11 июня, Кларендон-роуд, интервью в пентхаусе, Сюзан Уайт, или сестра Исида». На предыдущих флешках уже была куча отличных кадров. Кульминация каждого куска интервью наступала ближе к концу, когда волнение Сюзан становилось очевидным. *Мило*. У долго репетировавшей актрисы не получилось бы лучше. Сюзан была *реалистична*. И все в целом выглядело хорошо. Естественный свет угасал, и белоснежная пустота, в которой Сюзан казалась маленькой и дряхлой, превратилась в янтарные сумерки, полные теней, и вокруг мисс Уайт будто бы сжались стены. Удивительно, как быстро нашелся правильный тон и ритм. А зловещие звуки стали прекрасным саундтреком, который он и не планировал делать.

Кайл безо всякого аппетита съел сэндвич. От восторга слегка кружилась голова. Из этого что-то да выйдет.

Что-то крутое. Он ужасно хотел обсудить материал с Дэном. И от мысли о ночной съемке так занервничал, что с трудом дышал, вставляя пятую флешку в компьютер. Он приберег ее под конец. Решающий удар.

На микрофон в камере никогда ничего серьезного не пишут, но он работал, пока они спускались вниз и снимали в подвале, когда Дэн испугался и использовал камеру как фонарик.

А вот они с Дэном в темном пентхаусе. Широкоугольник на плече Дэна.

На экране ноутбука в узком белом луче виднелись стены и пол. Свет потихоньку ослабевал и наконец терялся в сумерках. Казалось, что съемка идет под водой, на затонувшем корабле. Днем блеск свежей краски и отполированного пола напоминал, что это обычные квартиры, но ночью утешал слабо.

Маленький круг высветил кожаную спину Кайла, блеснул синим отливом на его волосах – Кайл прошел вперед. Мир в глазке камеры подпрыгивал и дрожал, слабые лучики света попадали в темный лестничный пролет, но не могли проникнуть далеко.

И вдруг изображение резко дернулось вперед и вверх, уставившись на потолок. На аудиорожке Дэн крикнул:

- *Мать твою!*
- *Ты почему встал?*
- *Тихо. Ты закрыл дверь?*
- *Да, и запер.*
- *Тогда слушай.*

Кайл нажал на паузу. Отмотал назад, на тот момент, когда Дэн поскользнулся на ступеньке. Подсел ближе к колонкам и увеличил громкость. Слышно что-нибудь? «Вроде, да». Слабый лязг, очень отдаленный. Какие-то стуки или удары. Он три раза переслушал этот кусок. Звук был – далекий и слабый, но был.

Он снова нажал «пуск».

Внимательно вслушиваясь, Кайл различил их собственные шаги на лестнице и в подвале, дыхание, шорох одежды, но ничего больше. Они заговорили о запахе, камера пометалась вправо-влево, не фокусируясь, пока Дэн не увидел стену за пучком швабр. «Вот и оно». Свет фонаря ударил в стену, увеличил желто-бурую лужу. Камера отъехала назад, в кадр попали расплывчатые отметины. Выглядели они как высохшие потеки грязной воды.

Кайл остановил воспроизведение, перемотал назад, чтобы рассмотреть пятно внимательнее. Стена словно выцвела, из нее выступали какие-то прожилки, и они поблескивали, как стеклянные бороздки, как будто в штукатурку вплавили песок. На прорванную трубу это не походило.

Он перемотал фильм вперед, по кадру за раз. Полоски расплывались, но в какой-то момент Кайл разглядел их ясно и шумно вздохнул. Отмотал назад, на тот момент, когда Дэн увидел пятно. Пересмотрел еще раз. И увидел *это* на двух кадрах: позвоночник и ребра.

Перемотал. Изучил снова. Поставил на паузу. В центре пятна действительно виднелось что-то вроде стеклянного кривого позвоночника, полускрытого сверкающими полосами. Как окаменелость какая-то. Более светлое пятно вокруг напоминало чахлую плоть, намотанную на кости, которые как будто просвечивали под грязной, почти прозрачной кожей. Над тем, что походило на скрюченные плечи, болтались какие-то длинные спутанные колтуны, растущие из чего-то, подозрительно похожего на маленький череп. Головы, утопленной в стене.

Кайл пометил время. Потом посмотрел отснятый материал еще раз – озадаченный и напуганный. Оглядел квартиру, как будто ожидал кого-нибудь увидеть. Зажег сигарету. Посмотрел на самого себя, рассказывающего о детях Собора, и услышал напряженный шепот Дэна: «Блин».

Слабо, но слышно. Глухой удар, как будто кто-то толкнул дверь наверху. Голос оператора за камерой звучал придушенно. *«Здесь точно кто-то есть. Ты, наверное, дверь не закрыл».*

Кайл всматривался в ролик так, что у него глаза заболели. Его экранный двойник ушел из подвала и осмотрел весь дом, сопровождаемый камерой. Потом Дэн опустил ее, чтобы помочиться. Никаких звуков, кроме их собственных голосов и движений, не было. Ему стало немного стыдно за страх, отразившийся на его лице и в глазах. Вот Маус поржет!

Экран потух – Дэн выключил камеру, когда они поднялись наверх, в бывшие апартаменты сестры Катерины.

Кайл ждал следующей сцены, нервно курил.

И вспомнил, что они не поставили свет, хотели посмотреть, как пройдет ночная съемка. Но вот звук подключили – удочку и два петличных микрофона. Так что во время бегства тот должен был записаться идеально.

Настал момент истины: что из этого они себе придумали?

Кайл на экране говорил о том, как сестра Катерина отделилась от своих адептов, потом камера затряслась, двинулась, в кадре осталась только половина его лица.

«Блин! Тут точно кто-то есть».

Что-то заскрежетало по полу, и у Кайла зашевелились волосы на голове. Звук приближался. Никакой ошибки: шум слабый, но явный, звук невидимых, неуверенных шагов. На экране появилось мертвенно-бледное лицо Кайла. Видно было, как он пытается сглотнуть.

«Что это?» – Дэн снял камеру со штатива и положил на пол. Голые стены дрожали в кадре, а потом камера уткнулась в черный провал двери. За кадром они с Дэном поспешно обменивались репликами: напряженные, высокие голоса были даже слишком хорошо слышны.

«Откуда я знаю?»

«Это не смешно. Совсем. Я...»

В мутном мирке на экране, где в бледном свете фонаря виднелось только несколько половиц, хлопнула дверь. С такой силой, что изображение вздрогнуло.

«Ты собираешься отсюда свалить».

Лежащая на полу камера завибрировала от их шагов. У двери они замерли. Подошвы Кайловых конверсов в слабом свете казались серыми. Черные кроссовки Дэна сильно контрастировали с толстыми бледными ногами. На нем были шорты, и в луче фонаря черные волосы на ногах куда-то исчезли. Кайл и Дэн замерли у двери, умирая от страха. Камера снимала их до пояса.

В своей безопасной квартире Кайл напряженно вслушивался в звуки якобы пустого здания.

Из колонок раздался его собственный напряженный голос:

«Эй! Кто тут?»

Ответа не последовало, но шум прекратился. Он помнил, что смотрел направо: в темный холл, на три двери, за которыми прятались три темные комнаты.

Крик.

Кайл остановил ролик. Отмотал назад. Прослушал еще раз.

Свист. Как будто птица или свистулька. Резко, отрывисто.

«Ты слышал?»

Он спрашивал Дэна, не на улице ли кричат.

«*Пошли, а?*» – напарник был в ужасе.

Микрофоны зафиксировали стон Кайла и кашель Дэна. Запах. Там ужасно воняло. Вонь шла из темных углов комнаты. И снова послышался свист, как будто перепуганные птицы взлетали с дерева. А потом...

Кайл перемотал запись назад и послушал еще раз.

Звериный. Внезапный. Горловой грохочущий рык. И что-то ему ответило: он тогда подумал, что это собака. Да, это походило на испуганный собачий вой.

Кайл трижды пересмотрел запись.

«Может ли человек издавать такие звуки?»

Кайл нажал «пуск» и отошел от ноутбука. В колонках гремел топот чьих-то шагов – кто-то шел через темный холл к ним с Дэном.

Ноги на экране побежали. Они врезались друг в друга и повозились в дверях, потом рванули к ступенькам и исчезли из кадра. Микрофон записал хаотические звуки бегства по темной лестнице: скользкий звук ладоней по перилам, топот подошв по деревянным ступеням, дыхание, похожее на звук перегревшейся машины. А потом они с Дэном стали лишь отдаляющимся шумом на аудиодорожке, а камера продолжала снимать темный холл за дверями комнаты, из которой они сбежали.

Из колонок снова послышался звук, больше всего похожий на шлепки ладонью по стене. Как будто кто-то, с трудом держащийся на ногах, отправился через холл за Кайлом и Дэном. Через секунду хлопнула дверь, словно ее кто-то закрыл. «Незваных гостей было двое? Да быть не может».

– Боже мой, – сидя на полу собственной квартиры, Кайл старался не моргать, чтобы не пропустить то, чего на самом деле видеть не хотел. Изображение на экране не менялось: камера лежала на полу и продолжала снимать пустоту. Пока дверной проем не пересекла тощая фигура.

Ноги у нее подкашивались, двигалась она неловко, но очень быстро – мелькнула на мгновение и помчалась вниз по лестнице. В погоню. В темноте послышался скрежет лап, как будто собака скребла когтями по полированной поверхности.

Кайл нажал на паузу. Кто-то, судя по всему голый, был там все это время. Но как? Они проверили все помещения на верхнем этаже, прежде чем начать съемку. И закрыли все двери. Он медленно просмотрел ролик еще раз, пока бледное пятно не появилось на экране, в дверном проеме.

Кайл уставился на замершую фигуру, почти скрытую мраком. Промотал два кадра вперед. Она осталась неясной, как будто нарисованной на экране, но все же камера сфокусировалась лучше. Да, теперь появились кое-какие детали. Пара худых ног, морщинистые, иссохшие бедра. Жалкий намек на задницу. Плоть, бледная как рыбье брюхо. Острые колени, жилы вместо мышц, кости вместо лодыжек. Вторая нога, поднятая над полом, казалась размытой. Но она выглядела длинной и заостренной, словно на конечности торчал шип.

Кайл наконец выдохнул. Включил покадровое воспроизведение: тонкий силуэт наклонился, а потом исчез из поля зрения – кажется, опустился на четвереньки. Кайл пересмотрел последние три кадра, где едва виднелось лицо в профиль. В холле было темно, а фигура казалась размытой из-за быстрых движений. Еле-еле виднелась безволосая голова и острые черты лица.

У Кайла свело ногу, но он не мог двинуться. Фигура исчезла с экрана, а удаляющийся скрежет когтей по полу никуда не делся.

Он продолжался несколько невыносимо долгих секунд, пока его не заглушил порыв ветра, такой, что даже камера слегка дрогнула. И откуда-то из глубины дома донесся финальный звук: пронзительный свиной визг.

Пять

Вест-Хэмпстед, Лондон.

12 июня 2011 года. 16.00

Кайл позвонил Дэну. Нарвался на голосовую почту. Попытался рассказать о съемке на Кларендон-роуд, но не влез в лимит. Тут нужно было несколько часов, а не секунд.

Дэн перезвонил через час. Крестины закончились, но он спешно доделывал какой-то сюжет о терроризме для четвертого канала и ехал в Хитроу. Нет времени говорить. Позвони завтра, когда проснусь.

Кайл связался с Маусом, сказал, что отправил первые флешки курьером и что нужно вытащить с них звук в отдельный файл.

Ты сам поймешь почему!

Он кружил по заваленной бархлам квартире – на то, чтобы обойти ее раз десять, ушло немного времени. Курил «Лаки Страйк», пока не загорчило во рту, как будто умерли последние вкусовые сосочки. Его тошнило от усталости и нервозности, он толком ничего не ел. Посмотрел в холодильник, но там нашелся только открытый пакет макарон, три чахлах пера зеленого лука и баночка йогурта.

Взял книгу, отложил. Включил фильм с Вуди Алленом, выключил. Помыл посуду, вытер и убрал на место. Положил еды кошке, которая этого даже не заметила. Постоянно смотрел в окно, выходящее на Голдхерст-террас. Открыл бутылку бурбона «Уйалд Тёрки», от него заболел желудок, но после двух стаканов все же стало легче. Люди на улице возвращались по домам.

Показалась красивая девушка, подстриженная как Тринити из «Матрицы», зацокала высокими каблуками по дорожке. Кайл подошел к окну и долго на нее пялился. Но даже она не смогла отвлечь его от пленки.

Это был наркоман? Измученный, худой, потерявший всякое человеческое подобие, с резким голосом, умирающий от ломки? Может, *она, он, они* пробрались в здание и устроили логово в одном из самых дорогих домов Лондона? В пустом здании? Возможно. Их с Дэном голоса вырвали сквоттеров из предсмертных наркотических грез. Однажды Кайл видел в Кэмдене двух наркоманок, похожих на скелеты. В четыре часа утра они копались в мусоре. Кости, кое-как прикрытые одеждой, в которой они раньше тусовались по ночным клубам. Лица покрыты алыми нарывами.

Или это бывший член секты пробрался в дом, не сумев окончательно порвать с Последним Собором даже через сорок лет?

Кайл включил альбом Volbeat, чтобы не думать об этом больше. Рухнул на диван и уставился в потолок. Снова стал вспоминать мутный ужас на Кларендон-роуд. Страх и смущение. В квартире было тепло, но он дрожал, как от назойливого сквозняка. Словно начинался дурной приход, усиленный паранойей и от того по-настоящему опасный.

На диван пришла кошка, пару минут помесила передними лапами его грудь и живот, но посчитала, что спать здесь будет неудобно. Ушла. Высоко задрал хвост, проследовала в крошечную кухню и, судя по звуку, прыгнула на подоконник, где еще лежал последний солнечный луч.

Кайл посмотрел на восемь никому не нужных писем, которые поднял с пола дома на Кларендон-роуд. Начал гуглить имена бывших владельцев.

- Миссис Филлипс. Рашель Филлипс?
- Слушаю. С кем я говорю?
- Кайл Фриман. Вы работаете в воскресенье? Сурово.
- Я каждый день работаю. Вы кто?
- Мы не знакомы...
- Вы ничего не продаете? Я занята.
- Нет, что вы. Я... я хочу задать пару вопросов о квартире, которую вы снимали на Кларендон-роуд.
- Да-да.
- Насколько я понимаю, вы жили на первом этаже, и...
- Откуда вы взяли номер?
- Ну... науглил.
- Вы гуглили меня?
- Да, простите. Это, наверное, невежливо, и я бы не стал вас беспокоить, но я был в том доме в субботу, и... не знаю, как сказать.
- Думаю, вы хотите спросить, почему я так быстро съехала, даже середины арендного срока не дождалась?
- А вы съехали?
- Не снимайте там квартиру. Лучше вообще рядом не ходите.
- Я и не собирался, а теперь уж точно не буду.
- Значит, агент по недвижимости дал вам мое имя, чтобы вы могли найти телефон?
- М... нет.
- Хорошо. А откуда тогда вы взяли мое имя?
- Почта. Я, конечно, не читал ваши письма, просто увидел несколько конвертов, когда мы вернулись за... и я решил позвонить одному из бывших владельцев. И нашел только ваш номер. В вашей палате. Вы единственный в Интернете адвокат по имени Рашель Филлипс. Я хотел оставить сообщение...
- А вы дотошный молодой человек.
- Это очень важно для меня. Я просто хотел спросить...
- Не замечала ли я чего-нибудь странного, пока жила там?
- Да. Например, необычных запахов.
- Запахи! Все сантехники говорили мне, что с трубами все в порядке. Их было трое. И с канализацией тоже все хорошо. Но запахи беспокоили меня меньше всего, мистер?
- Фриман. Кайл Фриман.
- Мистер Фриман, – она понизила голос, как будто кто-то мог их подслушать. – Вы верите в привидений?
- Меня часто об этом спрашивают. Наверное, лучше признаться. Понимаете, мэм, я снимаю фильмы. В том числе документальные. О всяких необъяснимых событиях.
- Извините. Я думала, вы хотите снять квартиру в том доме. Стоило бы сказать. Я не собираюсь сниматься в каких-то передачах об этом.
- Нет-нет, я не предлагаю. Мы получили разрешение снять в этом доме документальный фильм о его истории.
- Истории?
- Ну история у него есть. Я не журналист и не буду использовать ваше имя. Я – независимый режиссер, и я даже снимать вас не буду, если вы не хотите.
- Боже, нет, конечно!
- Хорошо. Без проблем. Но у вас есть время со мной поговорить? О доме?
- Не совсем.
- Мы не могли бы встретиться? С удовольствием приглашу вас на ланч. – Пауза. – Мэм?

– Да. Подождите. Просто смотрю в ежедневник. Может быть, мне полезно будет поговорить с кем-то, кроме друзей, которые считают меня сумасшедшей. Вы свободны в понедельник?

– Да.

– В час? Это завтра. Потом я три недели занята.

– Да, конечно, я буду.

– Вам придется ко мне заехать. Я работаю на Стренде.

– Хорошо.

– Отлично. Буду ждать вас в «Стар Инн». Ровно в час. У меня будет двадцать минут. И захватите мои письма.

– Конечно, – сказал он гудку в трубке.

Кайл перевел дух и выпил залпом стакан воды из-под крана. Вернулся к ноутбуку и погуглил название паба, предложенного Рашель Филлипс. Открыл второе окно и посмотрел адрес на картах. Ближайшая станция метро? «Ченсери Лейн».

Может, удастся доехать на такси, а счет скинуть Максусу? Может, он уговорит Рашель и запишет ее анонимное свидетельство, а потом наймет актрису, чтобы та проговорила текст за кадром? Конечно, если монолог будет того стоить. Рашель Филлипс, королевский адвокат, вела себя резко и ценила свое время, но мало походила на чокнутую дамочку, которая будет воображать невесту что из-за странных запахов и звуков в съемной квартире. Юристы ведь обязаны быть точными?

Вдруг захотелось снова позвонить Дэнусу и рассказать ему новости об интервью. Поделиться неожиданным подтверждением того, что на самом деле случилось в здании. Он взял телефон со стола, но вспомнил, что Дэн работает, и положил его обратно. Рухнул на диван. Посмотрел на каштан за окном, сквозь листья которого с трудом пробивалось закатное солнце, лучи которого ромбами падали на пол.

Это будет нечто.

Настал тот драгоценный, щекочущий нервы момент, когда кропотливая работа, поиски, интервью, бесконечные телефонные звонки, переговоры о съемках, перерывы, разочарования, компромиссы и исправления начинают приносить плоды, и один кадр сам собой переходит в другой, рождая нечто уникальное, рассказывая новую историю, которую Кайл не мог себе представить, когда писал сценарий. Лучшие сюжеты рождаются сами, не оставляя от первоначальных планов камня на камне – он знал это по «Шабашу» и «Кровавому безумию». Они просто ждали того, кто найдет правильных людей и задаст правильные вопросы.

– Охренеть, – сообщил он кошке, присевшей на подлокотник. Та моргнула и отвернулась.

От Макса ни слова. Утром он оставил ему бессмысленное сообщение на голосовой почте, днем – еще два, потому что не мог просто сидеть и смотреть отснятый материал с последней флешки. Соломон разве не просил ему позвонить сразу после интервью со Сюзан Уайт?

Он открыл почту и стал печатать:

Здравствуйте, Макс.

Простите за избыток энтузиазма, но в субботу вечером на Кларендон-роуд с нами случилось невероятное. Расскажу подробнее при встрече.

Отставить панику: утром мы забрали камеры – с некоторым, правда, трепетом, и Дэн отправился на следующую съемку. Днем это совсем другое место. Кажется, там никого нет, кроме нас. Во время съемок со Сюзан Уайт я тоже так думал: пустой, обычный, совершенно безобидный дом. Правда, света так и не было, и времени посмотреть на пятно в подвале не хватило, но не забудьте сообщить об этом хозяину. Там что-то течет. А что до пятна – о нем нужно сообщить в Ватикан! В любом случае, после ужаса, испытанного

прошлой ночью, я успел кое-что посмотреть, и теперь у меня грандиозные планы, которыми я займусь завтра.

До скорой встречи,

Кайл

Шесть

Линкольн-Инн-Филдс, Лондон

13 июня 2011 года, 13.00

Рашель смотрела на Кайла, пока тот вытаскивал разрывающийся телефон из бокового кармана кожаной куртки.

– Вам обязательно отвечать?

– Нет, это вполне может подождать.

Это был третий звонок Макса с того момента, как он сел с Рашель Филлипс на скамейку на площади Линкольн-Инн-Филдс. Посмотрев в окно выбранного ею же паба, она отказалась туда идти.

– Не волнуйтесь, дело не в том, что я не хочу, чтобы меня видели с вами. Но вот чтобы нас подслушивали – не хочу. Я тут слишком многих знаю. У меня всего двадцать минут. Поест можно и потом. Вы не возражаете?

Говорила она быстро и коротко, а пока они шли к площади, не отрывала взгляда от своего «Блэкберри». Кайл понял, что интервью будет недолгим.

– Надеюсь, вы не выставите мне счет за беседу? Полагаю, вы берете недешево.

– Я подумаю, – она засмеялась.

Хрустящая белая блузка, нитка жемчуга, дизайнерские очки в черной оправе, черный костюм в тонкую полоску, белые чулки, туфли с ремешком, «взрослый» парфюм. Она была довольно полная, но все равно сексуальная – средних лет блондинка с белоснежной кожей. При движении рук красные ногти отблескивали, как спинки огромных божьих коровок, а на гладком веснушчатом запястье блестела тонкая золотая цепочка.

Кайл вручил ей диски с двумя своими последними фильмами, надеясь, что мрачная обложка ее не отпугнет. Он хотел показать, что настроен серьезно, не сумасшедший, и ему можно доверять, если она все-таки решит появиться перед камерой или хотя бы позволить использовать свои слова.

– Боже мой. «Шабаш». А дальше что? – Потом она посмотрела на него и добавила: – Спасибо, – запихивая диски в сумочку.

– Название не я выбирал. Дистрибьютор.

Телефон Кайла пискнул – Макс оставил очередное сообщение.

– А я-то думала, это я занята.

– Это исполнительный продюсер фильма. Он может и подождать, а ваше время дорого стоит.

– Спасибо, – скромно сказала она, смотря на купола и стены колледжа Сент-Мэри, – сначала появился запах. Точнее, я первым его заметила.

– Как бы вы могли его описать?

– Мерзкий. Сначала немного пахло сточными водами, а потом я уверилась, что под полом застряла дохлая крыса. Воняло падалью. Абсолютно точно. Я расследовала военные преступления в Боснии в составе миссии ООН, так что знаю, как пахнут трупы, – она трижды моргнула тщательно подведенными глазами, – но этот запах появлялся и исчезал. Обычно по ночам. Его

никогда не было, когда днем присылали человека из агентства. Они ничего не нашли. Трубы оказались в идеальном состоянии.

– А подвал они осмотрели?

– Конечно.

– Мы, кажется, обнаружили там протечку.

– Протечку?

– Да, за всеми коробками и мебелью. На стене. Света не было.

– Свет... – Рашель прикусила нижнюю губу, вертя «Блэкберри» в наманикюренных пальцах.

– Да. Мы вернулись около десяти, чтобы доснять пару кадров, и обнаружили, что света нет. Поэтому мы использовали фонарь на камере, и Дэн увидел пятно на стене подвала.

– Это не протечка, – сказала она почти шепотом. Оглянулась, следя, чтобы рядом никого не было.

– Нет?

– Вы заметили *выцветший участок в кладовке*, правильно? – резко спросила она, сузив голубые глаза.

– Да, – он с трудом удержался, чтобы не добавить «ваша честь».

– И что конкретно, по-вашему, вы там увидели?

Кайл пожал плечами, слегка удивленный прямоотой ее допроса:

– Пятно, наверное. Или подпалину. На штукатурке. А в записи я разглядел... не знаю.

Кости, что ли.

Рашель торжествующе улыбнулась:

– Пятна на штукатурке появились у меня в двух комнатах. Через три месяца после полного ремонта с заменой проводки, сантехники и новой отделкой всех трех квартир. Я точно знаю, потому что агент показывал мне счета и чеки. И там не было воды. Никаких протечек. Никакой сырости. Пятнам неоткуда было появиться.

– Кстати, там все снова вычистили. Дом выглядит идеально.

– Меня это не удивляет. Подумайте лучше о том, что его ремонтировали дважды, когда я там жила, всего за двенадцать месяцев. Другие две квартиры пустуют?

– Да.

– Жильцы оттуда выехали еще раньше меня. По тем же причинам.

– Запахи? Пятна?

– Это только часть проблем. Что касается света – два электрика уверяли меня, что проводка в идеальном состоянии, хотя электричество постоянно вырубалось по всему дому. Я научилась сама менять пробки, от этого свет обычно включался. И лампочек ушло около сотни. Никто так и не смог сказать, что перегружает цепь. А потом проводка под распределительным щитком оказалась испорчена.

– Испорчена?

– Перерезана. Но кем? А когда свет выключался, всегда появлялись запахи и пятна. Понимаете, Кайл... держу пари, что, если вы вернетесь в тот дом сегодня, пятно на стене уже почти исчезнет. И оно совсем не рядом с трубой, это не протечка. Любой мастер подтвердит вам, что никакой протечки там нет. В этих пятнах что-то видно. И это еще не самое худшее. Я уехала из-за того... я постоянно чувствовала, что в доме кто-то есть. Я там большую часть времени жила одна, а такое ни одной одинокой женщине не понравится.

– Мы слышали что-то странное, – сказал Кайл, когда Рашель повернулась к нему.

– На верхнем этаже жил фондовый менеджер с женой. А квартиру на втором снимал владелец авиакомпании, который останавливался там иногда. Мы все что-то слышали.

– Вы можете описать эти звуки?

– Попробую. Но это очень сложно. Думаю... это странно звучит, но иногда я слышала детские голоса. Плач. И ветер. Дети на ветру. Жилец верхнего этажа жаловался на собак. По утрам он говорил: «Снова собаки выли». Он был из Ирана, но отлично говорил по-английски. Эти звуки издавали животные. Надеюсь. Но не знаю, какие точно. И всегда за пределами квартиры, на лестнице. Семья сверху была уверена, что кто-то пробрался в дом. Они по три раза вызывали полицию по ночам. Я слышала какие-то шаги в холле и на лестнице. Как будто пьяный шел.

Кайл уставился на свои ноги:

– А музыка?

– Музыка? Нет. Но иногда мне слышался какой-то свист.

– Значит, мне не почудилось. Мы сильно испугались. Как вы прожили там столько времени? Мы убежали сразу же. Там как будто дул ветер...

– На лестнице?

Кайл кивнул.

– И что это, по-вашему? Вы ведь эксперт.

– Не сказал бы. Ни о чем подобном я раньше не слышал. Может, полтергейст... – Кайл сглотнул, – а вы что-нибудь видели?

– Боже мой, нет. Но материала для застольных рассказов мне хватит до конца жизни, – Рашель взглянула на Кайла, прищурившись. – Я имею в виду, среди друзей. Не хотелось бы, чтобы вы использовали мое имя в фильме. Я буду следить.

– Нет-нет, что вы. Не смею даже мечтать об этом. Соседский ребенок подтвердил кое-что из того, что вы рассказали. Дэн разговаривал с ним в воскресенье, когда мы вернулись за камерой, и он сказал, что люди все время приезжают и уезжают, и никто не живет в доме долго. А еще дом вечно громят и ремонтируют заново, и он скоро с ума от этого сойдет. Мне бы хотелось использовать некоторые детали из жизни арендаторов этого дома, но я не стану упоминать ваше имя.

– Хорошо. Тогда расскажите мне про дом. Вы сказали, что у него есть история. Конечно, агент по недвижимости ничего такого не упоминал, но, думаю, мне не очень понравится ваш рассказ. Там... водятся привидения?

– Мы снимаем документальный фильм о Храме Судных дней.

Рашель Филлипс выглядела так, как будто ее сейчас хватит удар.

– Об американской секте?

– Она началась с этого дома, Рашель. Тогда они называли себя Последним Собором и жили в этом доме в шестьдесят восьмом и шестьдесят девятом годах.

Семь

Вест-Хэмпстед, Лондон.

13 июня 2011 года. 14:45

– Макс, успокойтесь, ради бога.

«Я разве велел вам разговаривать с какой-то несчастной юристкой?! С соседями? Вы не могли просто все сделать по плану? Я надеюсь, что не ошибся, доверившись вам», – голос Соломона в трубке дрожал, и не только от гнева – казалось, он сейчас расплчется.

– Так. Стоп. В вашей инструкции ясно сказано – найти и заснять доказательства паранормальных явлений, возникших из-за Храма Судных дней. Это цитата из вашего текста, Макс. Интервью с бывшим жильцом их первой штаб-квартиры, столкнувшимся с паранормальным, напрямую относится к теме фильма. И эта «несчастливая юристка» явно заслуживает доверия гораздо больше, чем сестра Исида, которая, кажется, сбежала из сумасшедшего дома.

«Не говорите так! Эта дама откровенна и честна. Она была там, Кайл. А юристка и соседи – нет. Сьюзан Уайт никогда не стала бы приукрашивать свою историю. Любые ее слова можно в банк нести на проверку!»

Тут они вступили на незнакомую почву. После первой встречи Кайл считал Макса доброжелательным, спокойным, но ловким и увертливым человеком. А теперь тот вдруг стал вспыльчивым и эмоциональным, и даже пытался Кайла контролировать. И Кайла это не радовало.

– Макс. Моя работа говорит сама за себя. Я все делаю тщательно. Я следую инструкции. Я не упущу важного, надежного свидетеля с правдоподобным рассказом. Рашель Филлипс – адвокат. Адвокат! Или пусть лучше в фильме будет только кучка престарелых хиппи с байками о сущностях и Семерых? А? Тогда получится дешевка. Подумайте об этом. Хотите на выходе «Подземелья и драконов» получить?

«Пожалуйста, не повышайте голос. Постарайтесь понять...»

– Нет, Макс. Не могу. Не могу понять, почему вы не даете мне проявить инициативу. Это плохой способ начинать деловые отношения. Я не предполагал, что моя попытка найти какие-то доказательства вызовет вопросы. Я говорил вам это при первой встрече, и вы отдали всю творческую часть картины мне. Я не буду подчиняться каким-то планам. Я так не работаю. Своих корыстных целей я не преследую и ваши тоже не стану. Особенно с учетом того, что вы тоже состояли в секте.

Макс долго молчал, тяжело дыша.

«Нет. Нет, Кайл, вы правы. Прошу прощения. На меня сейчас сильно давят». В его голосе появилось раскаяние, как будто он сам теперь не мог понять, чем вызван недавний взрыв. Кажется, он удивил их обоих.

Кайл сохранял осторожность. Он инстинктивно не переносил давления со стороны киношных начальников. Видит бог, их в его жизни было достаточно.

– Почему вы не сказали, что тоже были членом Последнего Собора? Это огромное упущение. Вы были там с самого начала, но промолчали. В чем дело?

«Сьюзан не должна была об этом говорить. Я ее просил».

– Почему? Вы вместе ушли из секты! Вы могли бы рассказать все то же самое, что и она. Может, взять интервью у вас?

«Нет!»

Кайл дернулся, как будто трубка ударила его током.

«Извините. Сейчас тяжелое время для нас».

– Нас? Кого это «нас»?

Макс тяжело вздохнул:

«Еще один из нас ушел этой ночью».

– Не понимаю. Вы, вообще, о чем?

«Мы больше не можем терять время. На этой неделе нужно обязательно поговорить с Гавришлом. А пленка из Лондона нужна мне прямо сейчас! Загрузите файлы на ftp. Адрес у вас есть?»

– Да. Но... «один из нас ушел» – что вы имели в виду?

«Мы старые. Нас осталось немного, многие нездоровы. Недавно нас покинул мой любимый старый друг».

– В смысле умер? Кто?

«Неважно. Он не собирался участвовать в фильме. Никогда бы на это не согласился. Но я очень расстроен».

– Мне очень жаль, Макс.

«Я узнал вчера. Это ужасно. Мы столько пережили вместе, – Макс закашлялся, – позвоните мне из Франции. Поговорим подробнее. А после вашего возвращения встретимся».

– Подождите.

Но Макс уже повесил трубку.

Helter Skelter

HELTER SKELTER

Что бы вы ни читали
об убийствах раньше, эта книга
вас все равно шокирует.

Ирвин Левин. Судные дни

Восемь

*Неподалеку от Мортена, Нижняя Нормандия,
Франция.*

15 июня 2011 года

Телефон Кайла опять звякнул – пришла смс.

От Макса: «*Снимайте все здание. Мне нужен брат Гавриил во всех комнатах*».

Это было девятое сообщение от Макса с того момента, как они приехали во Францию с братом Гавриилом, похожим на маленькую куклу, умастившуюся на заднем сиденье.

– Да хватит уже! – Его подозрения о лицемерности Макса, появившиеся, когда тот вдруг попытался по мелочи контролировать съемку, еще больше усилились теперь, когда на них сгрузили старого идиота-сектанта. Раздражение переросло в настоящее возмущение, и что-то поделать с этим было сложно.

Паром из Портсмута в Нормандию шел восемь часов. Почти бессонная ночь из-за нескончаемых монологов брата Гавриила, да и спать на стульях, прикрученных к кренящейся палубе, оказалось сложновато. А поездка из Гавра в Мортен вогнала Кайла в ужас – с точки зрения любого английского водителя, здесь все ездил по неправильной стороне дороги.

– Что случилось? – спросил Дэн, не столько интересуясь содержанием сообщения, сколько пытаясь перебить очередное нравоучение, доносящееся с заднего сиденья.

Кайл ткнул телефон в подставку.

– Макс! Опять. Блин! Мы знаем, что делаем. А он все повторяет и повторяет.

В зеркале заднего вида он поймал взгляд маленьких веселых глазок брата Гавриила, прячущихся за очками, заляпанными перхотью и следами от пальцев. «Как он вообще в них видит?» Казалось, старому сектанту очень нравится, что Кайл злится на Макса.

– Да уж, – Дэн выглянул в окно.

Вряд ли его вдруг потянуло к сельским видам – скорее пугало вонючее дыхание брата Гавриила, высунувшего голову между передними креслами. Пейзаж за окном, казалось, был нарисован всего тремя цветами: зеленым, белым и грязно-серым. Монотонные поля перемежались маленькими фермами. Если бы Кайл не ехал по неправильной стороне дороги, мягкий солнечный свет мог бы его немного успокоить.

Он прикусил губу, чтобы не рассмеяться истерически. Не верилось, что на Земле существует еще один человек, кроме брата Гавриила, который бы так хотел рассказать о том, что никто не желал слушать. Старик был настолько тощим, что рядом с огромным Дэном выглядел куклой с головкой, увенчанной гривой сальных серых кудрей, доходивших до плеч. Лицо у него было минимум на два дюйма уже черепаховой оправы, а уши напоминали курагу.

Они забрали его из Вуд-Грин, где бывший сектант жил на пособие по нетрудоспособности в муниципальной квартире на первом этаже. Воняло там так, что Кайл с Дэном едва не сбежали. Сразу стало ясно, что брату Гавриилу редко выпадает шанс поговорить с людьми, если только те не заперты с ним в одном помещении.

Стоило им позвонить в дверь, как он открыл ротик, окруженный несвежей седой бородой, да так и не закрыл. Пиджак был велик ему размера на три, хотя, кажется, изначально шился на мальчика. На потертой черной ткани виднелась белая шерсть, но ни кошки, ни собаки в полутемной захламленной квартире с одной спальней они не разглядели. Гавриил упомянул, что с ним живет девяностолетняя мать, за которой он присматривает. При мысли об этом Кайлу стало нехорошо.

– С вашей мамой все будет хорошо, Гавриил? – спросил Дэн у маленького человечка, склонившегося над старым фибровым чемоданом с латунными уголками. – Вы вернетесь через два дня. Может, не нужно брать столько вещей? – В чемодане было полно одежды.

Между потертыми лацканами Гаврииловой куртки виднелся зеленый спортивный костюм, а под ним – еще две рубашки, заляпанные у ворота. Кайл подумал, что, если все это снять, под одеждой останется только детский скелетик. На секунду он даже пожалел, что Гавриил уезжает из дома, и теперь они с Дэном за него отвечают.

По дороге в Портсмут их осчастливили долгими подробными лекциями об истории поместья, где жил Гавриил, его важности для изучающих географию паранормального, о бункерах инопланетян в Гемпшире, о возможном местонахождении Атлантиды неподалеку от южного побережья Англии, о движении психической энергии по силовым линиям и их влиянии на радио, которое Кайл включил, чтобы заглушить бесконечный словопомол. Лекции продолжались и продолжались, каждое предложение произносилось с характерной иронической интонацией человека знающего, пока Дэн тайком не воткнул в уши крохотные наушники, а Кайл не попросил говорить «немного потише», чтобы «он мог сосредоточиться на незнакомой дороге».

В автомобильной очереди на паром Кайл получил от Дэна смс: *«Этот чувак похож на египетскую мумию в парике Харпо Маркса. Еще один клоун. Давай выкинем его за борт».*

Кайл ответил: *«Я беру за ноги, ты за руки».* Мысль о целом дне наедине со стариком и обратной дороге вводила в ступор. Единственное, что Гавриил не упомянул ни разу, – Последний Собор.

Ближайшей точкой около их цели навигатор счел городок Мортен. Адреса у фермы не было. Картографы думали, что там ничего нет, кроме чистого поля. После Мортена Кайл ориентировался по атласу и ксерокопиям карты, взятым из инструкций Макса, но, кажется, промахнулся. Отъехал слишком далеко на юг от города.

«Ее не видно с дороги, – писал Макс, – в двух милях от деревни внизу холма будет большой белый дуб. Напротив него ворота. На ферму вы не проедете. Нужно перелезть ворота или пройти через изгородь. Или там стена? Спросите у Гавриила. Прямо к северу от ворот будет рощица. Найдите дуб, и он укажет путь».

Оставался вопрос, считалось ли недавнее скопление убогих домишек деревней. Они теснились вдоль дороги настолько узкой, что там еле могла проехать одна машина. Думая о вероятной встрече с трактором, Кайл искусал губы до крови. «Поселок» выглядел пустынным или вообще заброшенным, все окна были закрыты. Из скольких домов состоит деревня? Кайл не знал.

Он вообще ничего не знал. Не говорил по-французски. Никогда раньше не водил машину в Европе. По спине у него лил пот. На спинке сиденья прокатной машины наверняка образовалось мокрое пятно, напоминающее кляксу Роршаха. Пробираясь по узкой дороге, он то и дело задевал кусты и ветки деревьев, пытаясь следить за дорогой, слушать навигатор и смотреть в карту, а не внимать очередной речи брата Гавриила о тамплиерах во французском правительстве.

Когда дорога сделалась достаточно широкой для маневра, Кайл неловко развернулся.

– Вы что-нибудь узнаете? – спросил он через плечо.

– Что вы постоянно меня спрашиваете? Я не помню.

– Вы тут жили!

Гавриил впервые промолчал.

– Может, хоть раз скажете что-нибудь полезное? Плюньте вы на заговор Евросоюза. От него сейчас никакого толку.

Дэн улыбнулся и толкнул Кайла в плечо:

– Остынь.

Вокруг росло столько деревьев, что Кайл засомневался в том, что сможет узнать среди них дуб. В детстве у родителей в саду точно рос один. Он вспомнил, как съехал по огромному стволу жарким летним днем, в одних плавках, цепляясь тонкими руками и ногами за жесткую кору, как медведь. Первые несколько секунд после падения мама думала, что он оторвал себе член. Он вспомнил, как она купала его «краник» в ванночке с антисептиком, пока Кайл одной рукой прижимал вату к порезанному лицу, а второй – мокрую фланель к кровоточащему соску.

Все оставшееся лето лоб и нос покрывала паутина царапин.

Он треснул кулаком по рулю и резко надавил на тормоз. Всех троих бросило вперед.

– Что?! – спросил Дэн.

– Может быть, стоило посмотреть на карту до того, как мы уехали из кафе? – вмешался

Гавриил.

«Первая передача»: он останавливался после каждого большого дерева, оглядываясь и пытаясь понять, не дуб ли это, пока дорога не пошла под уклон. *Холм?*

– Узнаете что-нибудь, Гавриил?

– Не уверен.

– Если это не здесь, то я вообще не знаю где. Эта чертова ферма, вообще, существует?

– Существует, конечно. Камни, которые использовались при постройке...

– Не сейчас, Гавриил, – сказал Дэн, – у вас будет куча времени поговорить перед камерой, хорошо?

Кайл сдвинулся на дюйм вперед к следующему дереву. «Может, эта фигня – дуб?» Да, точно: широкий короткий ствол, так и манивший на него забраться, и огромная крона, отбрасывавшая густую тень на машину. Он вырубил навигатор. Опустил правое окно и посмотрел через Дэна. Напротив дуба в траве виднелся еле заметный съезд, но не было никаких ворот. Густая изгородь разрослась.

Кайл отстегнул ремень и выбрался из машины. Ноги затекли.

Встал на цыпочки и посмотрел через изгородь. Примерно через сто метров виднелась кучка деревьев. «Роща?» Посмотрев под ноги, Кайл понял, что нашел мостик через канаву, бегущую вдоль узкой каменистой дороги, земляную насыпь, поросшую травой по колено, из-за которой он уже промочил джинсы. Пройдя по ней, Кайл отвел несколько густых веток с изгороди и увидел ворота в двух футах от себя.

– Нашел!

До заката оставалось часа четыре. «*Лучше закончить до ночи. Не стоит вызывать подозрений*». – велела последняя смс от Макса, а потом сигнал исчез.

«*Почему? У кого?*» – набрал он в ответ. Соломон, как обычно, не ответил.

Кайл перевалился через изгородь и помог пробраться Дэну, тащившему камеру и сумку с оборудованием. Гавриил прошел следом, осторожно ступая маленькими ножками.

Они шли по лугу: целый океан травы и крапивы, мокрый, доходящий Кайлу до пояса. Где-то внизу вилась дорожка, по которой последователи секты ходили в деревню и обратно продавать яйца и поделки, отправлять рукописи Катерины и статьи издателю в Дорсете, который делал из них сюрреалистичную «Благую весть». Макс вложил в папку экземпляр книги и два номера журнала. Книгу читать было невозможно: громоздкая, написанная под Ветхий Завет проповедь самовосхваления, белиберда о вере Катерины в свою божественную сущность и роль Спасителя для собственного стада, а также жалобные тирады о преследованиях и исходе из гибнущего мира. Мира, откуда она ушла в поисках богоподобного бессмертия, которого достигнет с помощью веры и уединения. Журнал перепевал примерно те же мотивы, обещая всем спасение от ужасов семьи, общества и правительства, но только путем преданности Катерине и ее прозрениям. На благовест это походило мало – скорее на манию и чрезмерно раздутое эго.

Землю никто не трогал много лет, наверное с марта семьдесят второго года, когда Собор, едва пережив вторую мучительную зиму, ушел отсюда. По словам Макса, участок так и не продали, и он все еще принадлежал Храму Судных дней. От этого его смс о «подозрениях» делалась еще загадочнее. Соломон не нашел никакой информации о завещании организации, но ее активами управляла подставная компания в Нассау. Если заброшенная ферма принадлежала секте, которая перестала существовать сорок лет назад, стоит ли так уж заботиться о нарушении частной собственности?

«Не сходите с дорожки, – написал Макс, когда они уже пересекли Ла-Манш, – Катерина говорила, что поставила там капканы, чтобы напугать чужаков и наказать отступников. Насколько я знаю, это капканы на барсуков и диких псов. Пружинные, могут ногу размолоть. Зубья у них стальные и дойдут до кости. Я всегда думал, что это ложь, и их должны были (должны?) убрать, ведь прошло сорок лет. Но все-таки не сходите с дорожки. Пожалуйста».

Спутники Кайла восприняли новость не слишком радостно. Брат Гавриил не смог ее подтвердить или опровергнуть – он покинул секту в конце первого года.

– Какая, к хренам, дорожка? – Кайл обозревал акры заросшей земли, огороженные далеким проволочным забором. На всем лугу выделялась только рощица, а за ней, кажется, продолжался бесконечный выпас. – Чертовы хиппи.

Ниже собственного ремня он ничего не видел и постоянно представлял ржавые зубья на земле. Распахнутые, настороженные. Надежно скрытые густой травой. Ждавшие четыре десятка лет, чтобы наконец сомкнуться. У него аж ягодички свело.

Их крики никто не услышит. До деревни две мили, и там, скорее всего, никого нет. Ни Дэн, ни Гавриил не умеют водить. Он представил, как скользкими от горячей крови пальцами тщетно пытается разжать ржавую сталь на ощупь, и с трудом прогнал эту мысль из головы. Это слухи, просто слухи. Откуда вообще Максу знать?

Он-то сбежал из секты задолго до того, как тут все пошло прахом.

– Да ты издеваешься, – сообщил Дэн, оглядывая луг.

– После вас, Гавриил, – сказал Кайл.

– Поработаете сапером.

Шутка Дэна не показалась старику смешной. Он еле стоял на ногах и старался держаться поближе к изгороди, как будто готовясь бежать обратно к машине. Худое лицо посерело, а крошечные темные глазки быстро моргали.

– С вами все в порядке? – спросил Дэн. Посмотрел на Кайла: – Наверное, дурные воспоминания.

Земля, на которой они стояли, оказалась единственной вещью, способной заткнуть Гавриила. Кайла это не успокоило.

– Давайте снимем, как мы идем через луг. Может получится неплохо. Покажем, насколько это отдаленное и заброшенное место.

– Не знаю, – Гавриил почти шептал.

– По логике, заросшая тропинка должна идти прямо к деревьям. Ферма где-то за ними. Правильно, Гейб? – спросил Дэн.

Гавриил кивнул.

– Идите вперед. Будем снимать, – в голосе Дэна слышался садистский восторг. Плата за долгие часы беспрестанной болтовни, которая даже для бонусов к DVD не сгодилась бы.

Кайл не выдержал и тоже поддразнил Гавриила:

– Расскажите нам, что вы чувствуете, – вы первый член секты, который вернулся сюда спустя сорок лет.

– Мне нужно поговорить с Максом, – заявил старик.

– Сигнала нет, – Дэн возился со штативом.

– Мы зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Нам нужно просто дойти до фермы, снять развалины, задать вам пару вопросов перед камерой и вернуться к воротам по своим следам. Горячий ужин, отель, холодное пиво. Все за наш счет. Расслабьтесь.

Гавриил выглядел как-то неуверенно.

Кайл заговорил мягче. Под открытым небом стресс от дороги стал отпускать:

– Сейчас не время менять решение. Я понимаю, что вы пережили здесь многое...

– Не понимаете.

– Хорошо. Я думаю, что это было нелегко, но повторное посещение этого места может стать полезным для вас. Так случилось со Сьюзан Уайт. Ну, сестрой Исидой. Мы привезли ее на Кларендон-роуд. А вы согласились приехать сюда.

– Да, конечно. Но сейчас я здесь, и...

– Что?

Гавриил умоляюще смотрел на Кайла маленькими водянистыми глазками:

– Я чувствую *их*. Они как будто так и не ушли отсюда.

Кайл попытался раздвинуть руками траву, чтобы видеть, куда ступать, но это было равносильно попыткам развести ладонями грязную воду. Первые десять шагов он шел осторожно, на цыпочках, и дважды споткнулся. Потом вернулся к изгороди и выломал из нее ветку, которой стал прощупывать землю перед собой.

Он тащил сумку со светильниками и звуковым оборудованием, стараясь держать ее повыше. Когда они подошли к роще, Кайл весь вспотел, плечи горели, а шея затекла и болела. «Как-то не быстро». Двадцать пять минут на то, чтобы пересечь поле. Солнце еще не село, но светило уже несильно. А последний дневной свет нужен – повторять все завтра Кайл совсем не хотел.

Гавриил отказался идти первым, так что начальный план со стариком, идущим к могиле своих мечтаний и надежд, не получился. Вместо этого бывший сектант жался поближе к Дэну и нервно оглядывался. Страх казался ненаигранным, но Кайл все равно с трудом сдерживал злость.

В качестве альтернативы Дэн снял пустой луг со стороны изгороди, Кайла, прощупывающего дорогу, и записал кое-какие реплики. По крайней мере, легенда о капканах отлично подчеркнет то, с какой маниакальностью Катерина контролировала секту во Франции.

– Последний Собор принесло сюда волной веры после первого пророчества сестры Катерины, которое, по-видимому, видели все сектанты. К этому моменту они все стали вегетарианцами. Никто из них не умел возделывать землю и не знал ничего о сельском хозяйстве, так что в первый год они едва не умерли от голода. В основном они красовались в форме и толковали о постройке «рая». С нами здесь брат Гавриил, который бежал из секты в конце первого жуткого года...

Дэн повернул камеру и снял маленькую фигурку, не отрывавшую взгляда от земли.

Под деревьями Кайл вытащил из рюкзака три бутылки воды и раздал спутникам. Свою тут же опустошил на две трети. Зажег сигарету. Принялся медленно бродить между деревьями – земля под ними поросла крапивой и ежевикой. Сухие коричневые ветки напоминали ржавый металл.

Пройдя через рощицу, Кайл увидел ферму.

Маленькие деревца частично скрывали серые каменные стены и шиферную крышу. Четыре кривоватых здания, заросших травой, доходившей до открытых окон первого этажа. В большом белом фермерском доме, где жили члены секты, давно не осталось ни окон, ни дверей.

Ирвин Левин утверждал, что два домика рядом с главным зданием служили мастерской и храмом. Напротив стояло еще одно строение с односкатной пристройкой-амбаром, но Кайл не помнил, что это. Сестра Катерина жила одна в деревенском домике на другом участке где-

то неподалеку – у нее единственной были водопровод и электричество. Его он не увидел, но тот явно находился где-то рядом.

Красно-коричневое здание, назначения которого Кайл не помнил, единственное было выстроено из дерева. Несколько досок упало в траву. Двускатная крыша просела. Двери не осталось, из пустого проема смотрела темнота. Как и из дверей трех каменных зданий.

– Давай-ка снимем все это тем новеньким двухсотым объективом, – решил Дэн. Он терпеть не мог зум, предпочитая менять объективы.

– Ну если хочешь... по мне, тридцати пяти миллиметров достаточно.

– Эй, это мой шедевр! Отвали.

Они настроили цветовой баланс обеих камер, и Кайл отвинтил микрофон Sennheiser, предназначенный для съемок на открытом воздухе. Фонарик они взять не додумались, но разные лампы все-таки прихватили, хотя те работали на аккумуляторах.

– Гавриил. Вот это деревянное здание с пристройкой...

– Сарай.

– Для чего его использовали?

– Для детей.

– Вы держали там детей?

Старик промолчал. Кайл не стал задавать вопросов.

Они зашли на территорию фермы и встали в бывшем дворе перед главным зданием. Старый плуг и сломанная тележка виднелись среди высокой травы, напоминая кости мамонта.

Кайл осознал, как здесь тихо, пока подбирал наилучшие ракурсы. Наконец-то он видел это место не на черно-белых фотографиях из книги Левина. Безмолвие его выматывало, он как будто чувствовал на себе чужой взгляд. Тишина, общее ощущение развала и тления и пугающее спокойствие.

Прохладный воздух казался густым, его не оживлял даже самый слабый ветерок. Ни одно насекомое не пролетело мимо и не прожужжало, хотя на лугу их было полно. Но ферма совсем не походила на мирную. Скорее, тут ощущалась атмосфера какого-то дурного предчувствия.

Гавриил сел на траву и устался на здания. Он походил на ребенка с головой старика.

Раздавая указания Дэну, которого иногда требовалось поправлять, Кайл снимал все вокруг жестко закрепленной камерой. Потом поставил вторую у сарая: они всегда использовали две. Когда-нибудь будут снимать четверья. «Ага, мечтай».

Начали с установочных планов. Начальный кадр каждой сцены всегда определял ее общее направление. Сейчас надо снять разрушение, запустение и ветхость. Этому месту пришлось хуже, чем дому в Лондоне. Ферма вдруг показалась Кайлу оскверненной, как будто здесь когда-то появлялся или даже жил кто-то нечистый. Он отбросил эти мысли, показалось, что Гавриил думает о чем-то похожем.

– Все снял? – спросил он у Дэна через час.

Тот кивнул из-за камеры:

– Общие планы отличные, пару перебивок я сделал, сейчас еще крупных планов добавлю.

Технических проблем вроде бы не предвиделось. Для некоторых помещений понадобится свет. Дальше будет интервью, общие планы, средние и крупные.

– В одном Макс не откажешь – он умеет выбирать хреновые места для съемок.

Дэн осклабился в ответ.

Кайл вынул из рюкзака «Судные дни», сценарий и раскрыл книгу на вклейке. Посмотрел на план фермы и попытался представить, как она выглядит с воздуха, но тут его отвлек один из шестнадцати снимков, словно созданный для раздела «Классика сенсационных фотографий». Фотограф снимал ферму снизу, как будто лежа на земле. На черно-белом снимке виднелись оконные стекла и светлые деревянные двери на фоне каменных стен. Рядом с домом стояли двенадцать сектантов. Двенадцать из тех двадцати трех, что остались в секте к этому времени.

Мужчины были длинноволосые и бородатые. Большинство улыбались. Фотографию сделали в 1970 году, но она больше походила на тысяча восемьсот семидесятый. Странное сочетание доминиканских монахов, ветхозаветных пророков и хиппи. На всех были плащи с капюшонами, сделавшие их знаменитыми на улицах Лондона, а позже Лос-Анджелеса и Юмы.

– Гавриил, – окликнул Кайл.

Тот, легко ступая, подошел и посмотрел на фото. Дэн выглянул из-за камеры и прислушался: обычно ему этого хватало, чтобы сделать отличный кадр.

– Встаньте перед домом, как на этом фото. Ничего не говорите.

Гавриил кивнул.

– Мы покажем этот кадр, а потом сразу вас в цвете. Сделаем такой плавный переход, понимаете? Типа тогда и сейчас.

– Сколько это займет времени?

– Боюсь, это от вас зависит.

Гавриил смотрел на здания так, что Кайл подозревал, что его придется затаскивать туда силой, хотя он немного взбодрился, как и Сьюзан Уайт. Когда старик потащился к дому, Дэн прошептал:

– Пошло дело.

Кайл снова посмотрел на фото. Судя по подписи, Семерых на нем не было. Других фотографий фермы Макс не нашел. Ирвин Левин купил ее у блаженной Сэнди Уоллес (она же – сестра Юнона), умершей от заражения крови. Она бежала незадолго до раскола.

Из-под плащей виднелись ноги в сандалиях, символ аскезы. Ирвин Левин писал, что во Франции красивых девушек заставляли постоянно покрывать голову и лицо. Сестра Катерина не терпела конкуренток. Но пять женщин на фотографии были отлично видны: молодые, симпатичные, загорелые, с длинными прямыми волосами, падающими на хрупкие плечи. На поводках они держали собак. Любимые «варги» сестры Катерины – хаски, которых она привезла с собой из Англии и которые здесь ели лучше людей.

Кайл посмотрел на подпись под планом – деревянное здание было названо псарней/школой.

– Гавриил, собак держали в сарае вместе с детьми?

– Да. Детей, родившихся на ферме, воспитывала община. Младенцы спали в колыбельках, а дети постарше на матрасах.

– В этой ужасной развалюхе. С собаками. Е-мое, – сказал Дэн про себя.

Кайл вошел в кадр и закрепил на одежде Гавриила микрофон. Он не понимал художников-постановщиков, которые *делают* сцену интересной. По его опыту, нужно было просто посмотреть повнимательнее, и натура сама оказывалась идеально подходящей. Он снимал то, что видел. Именно грязь и мрачность делали эти места такими интересными. Нередко в них заключалась важная часть истории, которую он рассказывал. Полусторевший коттедж в Шотландии, засветившийся в «Шабаше», или исписанный граффити многоквартирный дом в Осло, который он снимал для «Кровавого безумия», словно некоторые места, где происходило что-то ужасное, настигало возмездие в виде запустения и полной разрухи. А уж с этой фермой не могли сравниться никакие постановочные декорации.

Кайл заглянул в выбитое окно. Предпоследнее убежище Собора в этом мире. Солнечный свет проникал сквозь пустые рамы и два больших дверных проема, и внутри царил неверный желтоватый свет.

Битое стекло захрустело под ногами Дэна, когда он устанавливал камеру для съемки интерьеров. Окна выбили изнутри.

Ирвин Левин утверждал, что случилась ужасная буря, которая разрушила крышу, вышибла стекла и погубила весь урожай. Но ведь он никогда здесь не был на самом деле.

Кайл вошел внутрь. Поморщился от резкого запаха звериной мочи и черной плесени, покрывавшей каменные стены. К этому добавлялась вонь мокрого дерева и, кажется, падали.

– Дэн!

Тот вошел в дом следом за ним.

– Стремно тут.

– Сними это все для перебивок. Заодно посмотри, как тут в темноте.

– Ага.

– Должно выйти клево, друг мой.

– Реплики будут?

– Пока нет. Просто сними это все, как в «Техасской резне бензопилой». И микрофоны надо поставить. Хочу слышать голос этого места.

– Так точно.

– Молодец, чувак. Если бы с утра не поленился побриться, я бы тебя поцеловал.

Дэн фыркнул:

– Гавриил сюда не войдет. Придется брать у него интервью снаружи.

Кайл закатил глаза:

– А почему тогда мы не взяли его прямо в Вуд-Грин?

Дэн, давясь от смеха, снимал помещение. Первый этаж состоял из одной длинной комнаты с гигантским очагом в дальнем конце. Неровный цементный пол покрывал слой гнилых листьев высотой по щиколотку. Тут и там виднелись разбросанные дрова, кирпичи, комки земли и куски мокрой штукатурки. Собор ел прямо здесь, в три очереди. По потолку шли три длинные балки, между ними виднелись доски пола второго этажа.

– Дэн, сними очаг крупным планом.

Напарник обнаружил там две мятые кастрюли, остатки метлы и пачку полусгнивших книг.

– Надо же, – сказал Кайл, глядя на тусклый металл среди черных листьев, – Гавриил!

Старик, бледный и дрожащий, подошел к очагу, где когда-то ел жидкую кашу, которая больше подошла бы для скота. Сейчас его снимали для истории, но легче ему не становилось. А ведь именно славы он и хотел, когда принимал предложение Макса, а на пароме признался, что вдобавок получил изрядную сумму за участие в фильме.

– Пока он соберется, аккумулятор сядет, – усмехнулся Дэн.

– Трибуна, – шепнул Кайл Дэну. – Наконец-то кафедра, с которой можно толкнуть проповедь. Но такую бы ты не выбрал, а, Гавриил? – Кайл кивнул и щелкнул хлопнушкой: – Мотор!

Старик откашлялся. Допил воду из бутылки, хотя вряд ли испытывал жажду. Открыл маленький рот:

– Здесь не было электричества. Мы пользовались керосиновыми лампами. Даже воду мы покупали в деревне. Мы носили ее ведрами... это было мучительно, – вся его ирония, красноречие и всезнайство куда-то делись.

Он говорил нервно, то и дело запинаясь. Лицо у него блестело от пота.

«Если он так себя чувствует, это и будем снимать». Чем тяжелее история, тем лучше выйдет фильм. Насыщенность, которой Кайл хотел от всего интервью, здесь появилась уже в первой фразе. От Гавриила он такого не ждал – боялся, что тот покажется слишком самоуверенным в кадре. Кайл внезапно почувствовал симпатию к старику.

– Однажды у нас остались только яйца. Еда для собак. А, и зерно, которое мы покупали для куриц.

– Вы ели собачью еду и корм для куриц?

Гавриил кивнул:

– Мы пытались сделать хлеб из этого зерна. Прямо здесь. Ни разу не получилось. Сестра Катерина запрещала приносить еду из внешнего мира.

– А что ела она сама?

– Я никогда не видел, чтобы она вообще ела. Она сюда не приходила, – Гавриил оглянулся, как будто ожидал, что откроется дверь. Потом собрался.

– Наверное, она-то питалась как следует, – предположил Кайл, – ела вкусную еду в своем уютном, залитом светом домике.

– Да, так говорили, – кивнул Гавриил, – в конце концов мы сумели вырастить немного овощей и фруктов, но еды все равно выдавали по чуть-чуть.

– А что вы выращивали? И как?

– Мы возделывали землю руками. Камнями и деревяшками. Здесь были плуг и тачка, но они были уже сломаны, когда мы приехали, толку никакого.

Кайл улыбнулся. «Отлично. Просто прекрасно. Бородатые и блаженные, они пришли сюда в поисках спасения». Он записал эту строчку, чтобы не забыть.

– Гавриил, Левин пишет об адептах, сбежавших отсюда до раскола, что они, цитирую, «отощали до костей и были одеты в лохмотья». Это так?

– Мы все голодали. У меня была цинга. Врач в Англии чуть с ума не сошел, раньше он никогда не видел цинги.

– Брат Гавриил, во время своего пребывания здесь вы знали, что состояние Последнего Собора приближается к двум миллионам фунтов?

– Нет. Не знал.

В мастерской до сих пор стояли три верстака. Старые стойла, в которых держали скот или, может, лошадей, сохранились с тех времен, когда тут была настоящая ферма. На грязном полу валялись кучи гнилых листьев вперемешку со штукатуркой и камнями. Окна кто-то выбил изнутри.

Гавриил отказался входить. Он торопливо наговорил немного текста на камеру, стоя снаружи, рассказал, что в мастерской они не только пытались делать «простые украшения и мебель», но и отвлекали родителей, разлученных с детьми, «бессмысленными задачами».

Маленькими лампами они осветили голые черные балки и подгнившие доски высокого потолка. Свет как будто тонул в плесени.

В псарне, она же школа, оказалось посветлее – в стенах остались дыры, а несколько кусков шифера с крыши давно свалились в траву. Дэн снял все помещение двумя камерами, сначала в естественном свете, а потом с маленькими лампами, расставленными по полу.

Левин утверждал, что некоторых избранных детей учили Семеро и сама Катерина. Еще он писал, что сама Катерина не могла иметь детей, и фертильность других женщин ее бесила. Гавриил сказал, что это «довольно похоже на правду», но пояснять отказался.

Переступать порог он тоже не стал, так что сцену отсняли в дверях псарни. Кайл попросил Дэна сделать крупный план и средний, чтобы Гавриил был в кадре вместе с сараем. Вышло отлично: сгорбленный старик в дверях, освещенный слабым светом. Кайл снова заметил, что Гавриил нервно оглядывается через плечо, внутрь здания. Кайл смотрел на него сквозь видоискатель второй камеры и на мгновение подумал, что из черного дверного проема действительно мог бы кто-то появиться. Но и это ему понравилось. Немного незапланированного саспенса.

Кайл зачитывал вопросы из сценария, который написал вчера, после того как перечитал книгу Левина второй раз за неделю.

– Гавриил, говорят, что минимум три ребенка и шестеро взрослых заболели и умерли здесь. Ну так утверждает источник Ирвина Левина, женщина, которая отказалась назвать свое имя и которая умерла от передоза, когда эта книга была еще кучей магнитофонных лент. Вы знаете, кто это был?

– Я... не уверен. Но всегда подозревал, что с Левином говорила сестра Афина. Она прожила здесь большую часть второго года. А он давал деньги тем, у кого ничего не осталось.

– Левин говорит, что «молитвы не могли излечить их». Доказательств смерти нет, их никогда не расследовали, и вообще этот факт ожесточенно оспаривали при рассмотрении дела о клевете в семьдесят четвертом году. Но что вы думаете об этих обвинениях? Левин утверждает, что Собор бежал в Америку, чтобы избежать разбирательства с семьями погибших.

Гавриил нетерпеливо вздохнул:

– Не забывайте, что официально никаких детей здесь не рождалось. Ни у кого из них не было свидетельства о рождении. У нас даже акушерки не было, но за первый год появились на свет трое. Зачали их явно в Лондоне, но матери сомневались насчет отцов. Когда я ушел, еще двое были беременны.

Гавриил ткнул пальцем в черный проход позади себя:

– Пока я жил здесь, там родились трое детей. Никто из них не умер при мне. И ни один из взрослых тоже.

– Гавриил, из пятерых детей, отданных в детский дом в Аризоне в июле семьдесят пятого, на ферме родились только двое. Остальные трое – в Штатах. Что же случилось с остальными тремя детьми, родившимися во Франции?

Гавриил сглотнул:

– Не знаю. Откуда мне знать? Во второй год меня здесь уже не было. Люди постоянно приходили и уходили. Но в 1970 году здесь никого не убили. Время было тяжелое. Люди болели. Мы голодали. Но никто не умер.

– Вы знаете, что родителей тех детей, которых нашли в руднике, так и не обнаружили? Считается, что несколько людей «просто пропали» в пустыне. Исходя из вашего опыта, такое возможно?

– После своего ухода я не имел никаких контактов с Храмом Судных дней! Сколько раз повторять? В семидесятом году мы были Последним Собором, – Гавриил судорожно оглянулся на рощицу и тихо добавил: – Я ничего не знаю... об этом.

– Но, если кто-то умер здесь уже после вашего ухода или потом, в пустыне, как по-вашему, сестра Катерина уведомила бы власти об их смерти?

– Сомневаюсь.

– Сомневаетесь?

– Не знаю! Какой смысл спрашивать меня о том, чего я не знаю! Давайте прекратим это все.

Дэн проводил Гавриила обратно в поле за пределами фермы и попытался его успокоить. Тот убежал сразу после интервью перед школой и отказывался говорить с Кайлом, который настаивал на внесении кое-каких изменений, но без толку. Когда старик сел в траву на полпути к рощице и расплакался, Кайл отступил.

Дэн остался с Гавриилом. На плече у него болталась камера.

– Сними это, – шепнул Кайл Дэну. О разрешении на съемку он решил подумать потом.

В последнее здание, храм, Кайл вошел один. Именно здесь, если верить Левину, это сестры Катерины, ее паранойя, ее зависть отравили души последователей и привели к первому расколу, когда пятеро членов ее гвардии, Семерки, взбунтовались. Последние дни Собора в Нормандии Левин описывал как «время гнева, зависти и раскола. Ужасный водоворот жестокости и самолюбия одной женщины породил Храм Судных дней: жутчайшую из двух инкарнаций секты».

Стены храма, где сестра Катерина принимала исповеди, иногда – целыми ночами, были выкрашены в черный. Лишь кое-где просвечивал покрытый зеленоватой плесенью камень. Краска покрывала и высокий деревянный потолок. Сенсорная депривация тут была обеспе-

чена. Плюс темнота: несмотря на слабый свет, проникавший в четыре выбитых окна, Кайл с трудом различал свои ноги на грязном полу. Битое стекло, валявшееся под окном снаружи, тоже было покрашено в черный: когда-то в храме вообще стоял кромешный мрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.